ЛОВУШКИ МЕГАПОЛИСА / ГОРОДСКОЙ ДЕТЕКТИВ

Убить и admina

РИНА ОСИНКИНА

Может быть, нам просто не до конца рассказывают истории?

Ловушки мегаполиса. Городской детектив

Рина Осинкина

Убить админа

«Эксмо»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Осинкина Р.

Убить админа / Р. Осинкина — «Эксмо», 2020 — (Ловушки мегаполиса. Городской детектив)

У Кати Поздняковой имелась сотня причин ненавидеть холеного, наглого, саркастичного, неприлично богатого Олега Демидова. Но даже самой себе она боялась признаться, что на самом деле за ненавистью кроются совсем другие чувства. Быть может, о них никто бы никогда и не узнал, если бы в интернате для детей-сирот, где Демидов был одним из спонсоров, а Катя – добровольным помощником по компьютерному обеспечению, не произошло убийство…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Осинкина Р., 2020
© Эксмо, 2020

Рина Осинкина
Убить админа

© Осинкина Р., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Возле подъезда на скамеечке, вытянув длинные ноги, сидела Викуся, имея вид независимый и даже как бы незаинтересованный. Малиновая челка, ярко-полосатые гетры-самовязы, шарф в три оборота вокруг дутого воротника коротенькой курточки. Красота.

– Ну и чего ты тут киснешь? – хмыкнула Катя. – Сбежала?

– Почему – сбежала? – подшмыгивая носом, вяло возмутилась Викуся. – Я же не в колонии строгого режима для особо одаренных, сделала уроки и погулять решила. И вот гуляю. Здесь случайно. Мимо шла.

– А… Тогда пошли, чайку попьем.

Они устроились на кухне и принялись пить чай с конфетами «Ласточка» и ванильными сушками.

– А где Геннадий? Поругались опять?

– Теть Кать, ну ведь ты знаешь, он зубрилка. У них во вторник контрошка по химии, вот он и засел. В субботу засел, прикинь?

Катя хмыкнула и отвернулась к окну. «Ноябрь, ты прекрасен! Прекрасен! Н-да…»

Викуся, воспользовавшись ее меланхолией, быстро сунула две конфетки в нагрудный кармашек рубашки и похлопала, сплющивая, чтобы не оттопыривались.

– Теть Кать, чего тебе поделать надо? Хочешь, пропылесошу? Или вон керамику твою ужасную протру? Она и без пыли-то…

– Но-но! Ты не очень-то критику наводи, ценитель тоже… Я и без тебя все смогу протереть и пропылесосить, не дряхлая. Иди вон лучше в бронзулетках моих покопайся или, хочешь, мультики вместе посмотрим, а потом мне уйти надо будет снова, ты уж извини.

– Опять? Ты ж только пришла!

– Мне на работу надо, в пятницу кое-что не успела, а обещала.

– На работу? А была где? С утра пораньше?..

– М-м-м… У зубного? – спросила задумчиво Катя, рассматривая чаинки на дне чашки.

– Не у зубного! – парировала Викуся. – Ты сушки вон трескаешь, а после зубного два часа есть нельзя.

– А может, я добиралась оттуда два часа, – усмехнулась Катя.

– Ага. Во сколько же тебе тогда встать пришлось, чтобы два часа туда ехать? Не верю.

– Тогда на ранней службе в храме, как раз по времени сходится.

– Теть Кать, ты ж неверующая, какой еще храм?

– Почему же, Виктория, ты считаешь, что я неверующая? – удивилась Катя.

– Потому, тетя Катя, я считаю, что ты неверующая, что если бы ты была верующая, то носила бы обвисшую черную юбку и коричневый страшный платок и волосы бы не мыла.

– А почему волосы-то не мыла?

– А чего их мыть, если они все равно под платком?

– А может, я из начинающих, из, так сказать, новоначальных, – продолжала развлекаться Катя.

– В таком разе, теть Кать, тебе еще важнее как неновоначальной выглядеть, а ты в джинсах и кроссовках, так что версия твоя не принимается. Ну, если секрет, не говори, конечно.

Если у тебя романтическая встреча до утра затянулась, то, конечно, об ней на каждом углу трепаться не будешь.

– Какая еще встреча! – возмутилась Катерина. – Не болтай чепуху! Я ходила на курсы записываться.

– На курсы! Опять?! Круто! Чему учить будут? На гида-переводчика с китайского? Какие-то полгода занятий, и ты сможешь водить по Кремлю толпы любознательных китайцев!

– Очень остроумно. Но – нет. Я, Виктория, ходила записываться на курсы вождения. Через улицу от нас – автомеханический колледж, при нем курсы, я на них записалась. Занятия с нового года, после каникул. Я дала тебе полный отчет?

– А у тебя чего, машина есть?

– Да, от родителей осталась, «Шкода» старенькая.

– А… – произнесла незаинтересованным голосом Вика. Про родителей она предпочитала ничего не выяснять, и про тети-Катиных тоже.

– И вообще, что ты меня забалтываешь, мне выходить уже скоро.

Викуся и не собиралась ее забалтывать. Викуся собиралась выведать, где она все-таки была, и очень ловко в том преуспела. Викуся должна была держать ее жизнь под контролем, чтобы, мало ли, не нашелся кто-нибудь шустрый и не переманил ее у Викуси насовсем, а этого не должно произойти никогда-никогда.

– Теть Кать, а можно я останусь, тебя подожду? Ты надолго?

– Надеюсь, ненадолго, а остаться нельзя, ты же знаешь. Может Борис Сергеевич прийти, решит, что ты квартирный воришка, и заметет тебя в кутузку.

Викуся вздохнула и, подволакивая ноги, пошла смотреть бронзулетки.

– Теть Кать, а чего ты меня к себе не возьмешь? Квартира такая классная, три комнаты, места на всех хватит… Я бы тебе пылесосила каждый день и за ужасом керамическим бы следила. И школа рядом, переводиться не нужно…

– Ага. Ну да. Я тебя пропишу, а ты мне ножичком по горлу – и в колодец. И будете тут с Геннадием на пару химию учить. Вот только не сопи. Не порти наши высокие отношения. А то я думать начну, что ты только и исключительно из корыстных соображений тут чуть не каждый день тусуешься. Старость мою покоишь.

– Теть Кать, а чего Борис этот все сюда таскается?

– Потому что имеет право, – без интонаций ответила Катя.

– Но ведь ты же хозяйка? Твоя же квартира! Возьми и не пускай его больше, придурка!

– А ты откуда знаешь, что я хозяйка?

«С мое на лавочке посидишь, еще не то узнаешь», – под нос пробубнила Викуся, а громче добавила:

– Случайно, от бабушек.

– Дело в том, Виктория, что когда-то давно, когда еще были живы мои папа и мама, я совершила одну глупость, хотя они меня и предостерегали.

– Какую глупость? Вышла за него замуж и прописала?

– Я же сказала – одну, а ты перечислила две. Вышла замуж. А прописка – это уже вытекающее следствие, его мой отец прописал по моей просьбе. Мальчик был иногородний, не мог же он жить без прописки…

– Ты, наверно, страшненькая была в молодости…

Тут Катя, широко размахнувшись, шлепнула подушкой по выпирающим Викусиным лопаткам. Викуся тут же изобразила раскаяние, построив бровки «чердачком». Катя вздохнула, бросила подушку на диван и отправилась включать компьютер.

Компьютер был хорош, а монитор еще круче – плоский, черный, огромный.

Они пошарили немножко в сети, зашли на пару форумов, потом в поисковике нашли рецепт быстрого пирога с крыжовенной начинкой и маски для проблемной кожи лица и разок срезались в какую-то глупую стрелялку, потому что остальное сегодня было неинтересно.

Наконец Катя засобиралась и стала подталкивать Викусю к выходу.

– Теть Кать, а давай я с тобой, а?

– Иди, иди, чудовище, там, куда я иду, тебе будет скучно и неинтересно. Да и воспитательница, наверно, уже волнуется. Странно, что еще не звонит.

Викуся, недовольно насупившись, влезла в куртейку, обмоталась своим длиннющим шарфом и вышла на лестничную клетку.

Выйдя из подъезда, она не оглянулась на Катины окна, а если бы и оглянулась, то Катя успела бы укрыться за занавеской. А то еще вообразит себе невесть что.

Катя не знала, как она относится к Виктории.

Сначала ей, безусловно, было ее жалко, это естественно. Было еще совестно, чувствовала вину, а это уже неестественно, потому как к Викиной жизненной трагедии Катя никакого отношения не имела. Она вообще не имела отношения ни к чьей трагедии, так, по крайней мере, тогда ей казалось.

Знакомство их началось совсем недавно, пару месяцев назад. В сентябре. Катя собралась куда-то, вещи, что ли, из чистки получить, и в лифте столкнулась с новой соседкой, по слухам – то ли учительницей, то ли завучем в соседней школе.

Соседка оказалась общительной или просто на тот момент из-за чего-то взбудораженной и с ходу принялась темпераментно выкладывать Катерине свою проблему, которая заключалась в появлении нескольких новеньких компьютеров, что радует, и отсутствии должных кадров для их, как она выразилась, введения в эксплуатацию, что ее безумно огорчает.

Соседка была дамой грузной, лет пятидесяти шести – пятидесяти восьми, и при этом чрезвычайно энергичной и напористой.

Такое живое общение могло бы показаться даже милым, если бы не тесное пространство старого лифта. Соседка, ведя повествование, щедро сдабривала жестикуляцией и другими телодвижениями свою и без того образную речь.

Она даже продемонстрировала Катерине, вжавшейся в стенку, как именно тащили старшие школьники мониторы, при этом растопырила руки, согнув слегка ноги в коленях, и потопталась на месте, отчего лифт угрожающе затрясло.

За время пути до первого этажа Катя успела узнать много разного и про учащихся, и про учителей, и про соседей, с которыми была знакома с детства, а также что ее, Катю, зовут Катей, и что работает она администратором в какой-то фирме и недавно разошлась с мужем, и этот паразит до сих пор изводит ее своими визитами, которые наносятся им исключительно для того, чтобы никто не забыл, что он тут прописан, и не посмел поменять замок.

Тут Катя поняла, что многое в жизни упускает и массу вещей не контролирует. И тогда, чтобы перевести разговор в другое русло, Катя сказала, что сложного с компьютерами ничего нет и что она, Катя, наверно, могла бы помочь, если это недалеко.

– Ах, Катенька, девочка, ну что мы с вами можем? Факсы, ксероксы, мини-АТС? И сто восемьдесят ударов в минуту. Я вот могу еще вилку в розетку воткнуть.

Катя усмехнулась, решив про себя, что химчистка подождет, и вызвалась проводить озабоченную соседку, которую, кстати, звали Лидия Петровна, до места ее работы и посмотреть, нельзя ли все-таки что-нибудь сделать.

Не то чтобы она обиделась на «факсы-ксероксы» или делать ей было нечего в свой выходной, но захотелось эффекта, была такая за ней слабость.

Лидия Петровна пожала большими плечами, и они пошли, как Катерина думала, в соседнюю школу.

Но неожиданно для нее школьную изгородь они миновали, продвинулись еще с полквартала вглубь и остановились возле такого же решетчатого металлического забора, сквозь который хорошо было видно громоздкое трехэтажное здание – то ли поздний Сталин, то ли ранний Хрущев; и тогда соседка сказала: «Ну, мы пришли, это здесь».

На табличке, прикрепленной к широкой колонне ворот, значилось, что сие учреждение не что иное, как интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без опеки родителей.

Катя не была готова к такому повороту, ей туда не хотелось, но не говорить же милейшей Лидии Петровне, что она передумала. Конечно, идти все-таки придется, но можно оттянуть момент, чтобы как-то себя настроить. Поэтому Катя встала посреди асфальтовой дорожки напротив сталинско-хрущевского фасада и, сделав заинтересованное лицо, начала внимательнейшим образом его изучать.

– Какая интересная архитектура, – произнесла она светским тоном. – Сложная. Немного тяжеловесно, но это и приятно как раз. Надоела эта набившая оскомину простота стекла и бетона, вы не находите, Лидия Петровна?

Лидия Петровна, которой тоже пришлось остановиться, пожала плечами:

– Раньше здесь школа была, потом нам отдали. Для школы было удобно – два крыла на каждом этаже, там классы располагались, вон те пристройки – видите справа и слева? – актовый зал и спортзал. А в перешейке – кабинеты, библиотека, канцелярия. Классы мы переоборудовали в спальни, перестроить кое-что пришлось. Приспособились как-то. Хотя состояние ремонта у нас, так сказать, перманентное. Вы же видите, убого все. Хорошо, что отопление в порядке, а с остальным потихоньку справимся. Ну что, пойдемте, Катюш? Чего это мы тут застряли… – и она снова неспешно зашагала по дорожке в сторону дома.

А Катя все медлила, оглядывая вычурный фасад.

Высокие старомодные окна, широкие скосы оконных проемов, лепные карнизы, разделяющие четкими горизонтальными линиями этажи. Здание было отштукатурено и выкрашено в грязно-розовый цвет, но выкрашено, видимо, давно, местами колер совсем посерел от городской копоти, а штукатурка облетела.

Зато по обеим сторонам фасада выдвинулись вперед два великолепных крыльца с резными двустворчатыми дверьми, с широкими ступенями, чугунными перилами и основательными, такими же тяжеловесными, как и все здание, лепными козырьками над каждым из них.

Лидия Петровна тем временем, развернувшись к Кате широкой кормой, неумолимо следовала к левому подъезду. Тот, что справа, казался заброшенным и оттого каким-то неживым. Катя вяло тащилась следом.

– А зачем так много дверей? Что это за причуда архитектурной мысли? – спросила Катя ей в спину.

Лидия Петровна снова остановилась, оглянулась, поджидая, и терпеливо ответила:

– Так для симметрии, видимо. Хотя для симметрии можно было бы и один вход по центру сделать, как в современных школах. Значит, для шику. Для шику и солидности. Тут мало того что входа два, ведь еще и лестницы две соответственно, а с каждой лестницы еще и выход во двор имеется, так сказать, черный. Нам это неудобно, пришлось одну из них законсервировать, а то ищи потом воспитанников перед отбоем, что младших, что старших. Было уже как-то, набегались мы с Усмановной по этажам… Пользуемся теперь только этой, а правую открываем, если что погрузить-сгрузить нужно, и то со двора.

Лидия Петровна явно недоумевала, почему это она до сих пор здесь, на улице, на ветру и под начинающимся мелким противненьким дождичком, а не там, внутри, где относительно тепло и сухо. И сообразив, что войти ей мешает неуемная любознательность спутницы, решительно развернулась в сторону парадного крыльца.

Катя скорбно осознала, что все, время истекло, пора. Она себя одернула, строго приказав не психовать. Может, обычные дети, почему обязательно дауны в обносках?

Катерина мнила себя личностью сильной и, так сказать, много чего испытавшей, причем изо всех сил старалась этому о себе мнению соответствовать, но по детскому дому в тот раз ходила с деревянной улыбкой и очень неискренним взглядом, потому что второпях не решила, как же на всех этих детей ей нужно взирать. То есть что им демонстрировать.

Ребята, я считаю, что вы такие же, как и все? Или так: бедные, бедные мои деточки? Или вообще не замечать их, как стараемся не замечать у инвалида отсутствующий глаз или ногу?

Хорошо, что Лидия Петровна никакими подобными комплексами уже не страдала, а может, не страдала изначально.

Она просто заботилась обо всех этих своих подопечных, заботилась истово и горячо. Раз вы попали ко мне, так я вас буду кормить сытно-вкусно, одевать, обувать, смотреть, чтобы друг друга не обижали.

То ли в эту заботу трансформировалась у нее жалость, или забота эта была некой ширмой от той самой жалости, которую испытывать постоянно очень трудно, а может, это чувство долга, а может, совесть, а может, она просто их всех любила?

Катя ее не спросила ни в тот раз, ни позже и не узнала об этом никогда.

В тот раз она узнала зато, что Лидия Петровна, по фамилии Авдотьева, никакая не учительница и даже не завуч, а директор этого приюта, но педагогический опыт у нее, безусловно, был, и дети ее слушались. Возможно, что и любили.

Помещение интерната изнутри школу совсем не напоминало, а скорее детский садик с хорошими воспитателями.

На полу кое-как и кое-где были набросаны половички и дорожки, на стенах развешаны каракули, а воздух был теплый и пах ванильными булочками.

Как объяснила директриса, игровых комнат было две – для маленьких и для старших. Именно во второй и планировалось установить новые компьютеры, соединив их в сеть.

Год назад интернату повезло, объявился спонсор, который стал время от времени совершать благотворительные акции в виде денежных пожертвований или же крупных подарков для всего заведения в целом. Кстати, деньги начал давать не сразу, а по прошествии времени и всегда требовал отчета в расходах.

Компьютеры привезли на прошлой неделе, народ шумит, требует, а бухгалтер заявил, что сервисной службе заплатить нечем, и надо ждать конца месяца, когда придут деньги из бюджета. Но народу на все эти отмазки наплевать, зреет бунт.

– Сегодня суббота, воспитанников, как вы видите, немного, а то бы на меня налетели уже, – грузно поднимаясь на третий этаж, пояснила Лидия Петровна. – Маленьких многих по семьям разобрали. Не по своим, не подумайте. Так, берут люди добрые на день, на два редко, в гости. Кто в зоопарк ведет, кто дома с ними общается. Ну а старшие – у тех свои дела, особенно у выпускников. Кто у себя в комнате занимается, кто у куратора в библиотеку отпросился, или просто гулять пошли. Тех, кому пятнадцать исполнилось, редко кто в дом приглашает. Характер у ребяток ломается, они уже не плюшевые, вот и не берут их на выходные.

Катя шла следом, изредка бросая взгляды по сторонам и боясь встретиться взглядом с каким-нибудь детенышем. Вдруг детеныш подумает, что тетя пришла не просто так, а хочет взять его в гости или в осенний зоопарк? Хорошо, что их и вправду было мало.

Но составить представление о порядках в интернате все же можно было. Кажется, дети были чистенькие и не в очень-то обносках. Обычная одежда. И у младших не было того взрослого серьезного взгляда, от которого делается не по себе любому нормальному человеку.

– Старшие сейчас уроки делают, – пояснила Лидия Петровна. – В принципе, как помощники они нам не нужны, как тягловая сила, я имею в виду. Все компьютеры уже перенесены в игровую, нам только нужно зайти в мой кабинет за ключами.

И они поднялись на третий этаж.

– Что это я, кабинет забыла закрыть? – озадаченно проговорила Лидия Петровна, ворочая ключом в замочной скважине.

Дверь действительно оказалась незапертой, и, когда они открыли ее, перед ними возникла дивная картина.

Спиной к вошедшим, за столом у светящегося монитора сидел тощий взъерошенный подросток и торопливо стучал мышью, пытаясь быстро проделать некую операцию, а за его плечом, нетерпеливо переминаясь с одной ноги на другую и пытаясь время от времени выхватить у соучастника замученную мышь, маялась девица того же возраста.

– А вот и наше подрастающее поколение, позвольте представить! – громовым голосом провозгласила директриса.

Народ прижал уши и развернуться к публике не решался.

– Того, кто у компьютера орудует, зовут Геннадий Коростылев, ассистирует Виктория Медведева. Не помешали? – так же грозно продолжала директриса, которой, надо полагать, было малость неловко перед соседкой.

Все секретарши жуткие сплетницы, а дамочка – администратор, что одно и то же. Будет теперь на каждом углу рассказывать, что у них в интернате совсем нет порядка.

Однако пришлось учинять допрос при посторонних.

Из путаных и невнятных показаний следовало, что электронную почту нужно было проверить срочно, просто зарез, а компьютер в кабинете у директора – единственный. Ждать понедельника, чтобы проверить почту в школе, никак нельзя, вот и пришлось воспользоваться.

– Чем воспользоваться?! – грохотала директриса. – Кабинетом? Компьютером? И главное, как дверь открыли? Я точно ее закрывала. Мне что, теперь не верить тут никому? Замки менять? – и сообразив, что дальнейшее выяснение лучше отложить, отправила преступников по комнатам.

Катя молча наблюдала эту картину.

Она всматривалась в лица двух этих странных людей, мальчика и девочки, странных, потому что живут не так, как жила она в детстве и юности, и ей неизвестно, как это – жить в каком-то казенном доме, где нет ничего твоего, где ты на виду и тобою распоряжаются какие-то чужие, равнодушные люди, и главное, она не знала, как это – знать при этом, что бывает иначе: дом, мама, отец… А у тебя этого нет и не будет никогда.

Катя все смотрела и почему-то не могла отвернуться, хотя была хорошо воспитана и всегда считала это качество своим безусловным достоинством.

А здесь смотрела.

Потом дети ушли, Лидия Петровна вытащила ключи из ящика стола, и они снова отправились на первый этаж в игровую комнату.

Катя так была поглощена мыслями, что даже пропустила весь фурор, ради которого она все это и затевала, и ради которого отложила визит в «Диану» и еще какие-то другие дела.

Делая все механически, она соединила процессоры в локальную сеть, применив простые настройки, убедилась, что все работает, и пообещала сильно удивленной Лидии Петровне как-нибудь зайти на досуге и все довести до ума.

– Катенька, а что же это вы в секретаршах маетесь? Вы же легко можете работать этим, как там… сетевиком, что ли? – недоумевала она.

– Я он и есть, – без всякого апломба пояснила Катя. – Системный администратор. Наши бабушки не знают, какая тут разница, вот и доложили вам, что работаю я администратором. Ведь так? От бабушек сведения? Впрочем, неважно. Я вот о чем хочу вас попросить. Нельзя ли мне пригласить как-нибудь в гости Викторию с Геной? Или одну Викторию, если двоих не положено.

Она ждала ответа и думала: «Ну и пусть откажет. Что я себе, в самом деле, придумала? Глупый какой порыв, а после ведь проблемой обернется, живи с ней потом».

Лидия Петровна проговорила негромко:

– Можно, конечно. Может быть, маленьких посмотришь? Знаешь, с подросшими трудно, да и не нужен им уже никто по большому счету. Ты будешь ждать ответного чувства, а они оборжут и ускачут. Ну как знаешь, приглашай, конечно, только свой номер телефона их куратору не забудь оставить. А как тебя угораздило-то такую профессию выбрать? Вроде она не для девочек…

Не для девочек, это точно.

Вообще-то у Кати сначала была другая профессия, инженер-конструктор. И получила эту профессию Катя, закончив замечательное и тоже недевочкино учебное заведение СТАНКИН, куда решила подать документы, потому что оно недалеко от дома, а еще потому, что подруга Люда Миколина зазвала за компанию.

У подруги Люды старшая сестра получила диплом врача-стоматолога и отсиживала время на приеме в районной поликлинике, набираясь опыта, чтобы уж потом рвануть куда-нибудь в платную санчасть. Но с семейной жизнью не заладилось, хотя пора, давно пора.

Вот Люда и решила, с учетом ошибок сестры, получать высшее образование в каком-нибудь серьезном техническом вузе, где полно незанятых парней и масса возможностей кого-нибудь из них заполучить себе в мужья. Специальность, конечно, непонятная, зато с семейной жизнью будет полный порядок, так ей казалось.

У Кати имелись свои резоны, чтобы учиться именно там. Она любила математику, дремучие романы Казанцева и ранних Стругацких. В глубине души Катя лелеяла некие романтические настроения, что-то такое, связанное с изобретательством, открытиями, научными свершениями и так далее, но особо об этом не распространялась.

Однако несмотря на серьезный технический вуз, что-то у девочек не сложилось. Люда не нашла себе мужа, а Катерина не стала генеральным конструктором, поскольку с первых же дней на первой работе была приставлена к начертанию втулочек и шайбочек, а также к перенесению в компьютер сборочных чертежей, которые начерно ваял на кульмане язвительный и неразговорчивый пожилой начальник.

Издевательство над мечтой Катя терпела примерно полгода. Столько времени понадобилось, чтобы разобраться окончательно, что разных втулок и гаек до чрезвычайности много, и их количества ей хватит на многие годы. Кстати, и в материальном плане было не очень.

На тот момент Катя уже была замужней дамой, причем это получилось как-то само по себе, без специальных усилий. Будущий муж – аспирант, положительный такой молодой ученый, чем он ее и зацепил, по всей видимости. Не перебродили в душе у Кати Стругацкие.

Родители были не в восторге. Третий курс, самый сложный, то-се… Не спеши, разберись, получи сначала диплом… Их интеллигентность не позволила им, к сожалению, прямо сказать своей девочке, что жених из славного города Нарышкино не бескорыстен.

Зато подруга Люда не стеснялась, но Катерина была уверена, что это обычная женская зависть, и замуж вышла.

Кретинка.

В мечтах ей рисовались прекрасные картины семейной жизни. Оба супруга – тонкие интеллектуалы, яркие личности, на работе поглощенные решением сложных научно-технических задач, делятся друг с другом за вечерним чаем своими научно-техническими идеями, умно спорят, рисуя что-то на салфетках, и помогают один другому в поисках правильных научных ответов, и все вокруг восторженно на них взирают, видя превосходство их интеллектуальной и духовной красоты перед всем этим миром коммерции, тупым и ограниченным.

И вот теперь, будучи молодым специалистом, приставленным к гайкам и шайбам, и молодой же женой перспективного ученого, кандидата технических наук и старшего преподавателя, реальную ситуацию Катерина воспринимала с некоторым неудовольствием, даже, можно сказать, болезненно.

Борик уже стал сотрудником кафедры, он что-то там просчитывал на компьютере, что-то важное для технической науки, что-то моделировал, анализировал, обобщал и блистал, блистал!

Среди старших коллег блистал со сдержанным достоинством, а на семинарах и лекциях перед студентами и студентками – ярко, шумно и артистично. Даже с друзьями на пикничках и шашлычках он был неумолимо ярок, так что и без подсказок становилось всем понятно, что это молодой ученый – талантливый, дерзкий и – что главное – успешный.

Катя гордилась мужем, немножко ему завидовала и очень, очень страдала оттого, что не может ему соответствовать. Поэтому, отсидев полгода в КБ, Катя психанула и решила дерзать на другом поприще.

Года два она работала то там, то сям: недвижимость, страхование, туризм – пока как-то случайно не наткнулась взглядом на рекламное объявленьице в какой-то окружной газете. Вчитавшись, подумала, а почему бы и нет?

Объявление приглашало людей с высшим, желательно техническим образованием получить новую интересную перспективную и так далее профессию системного администратора, закончив трехнедельные курсы, естественно, платные. Тут же указывалась хорошенькая сумма.

Слоняясь с фирмы на фирму в поисках стези, Катя убедилась, что все эти стези совершенно не ее. У других офисных барышень в глазах огонь, азарт и боевой задор, а она, как сестрица Аленушка: ни азарта, ни стервозности, одна только правильная русская речь. Работа ей за это мстила масштабным неуспехом, не принося ни денег, ни радости. Так что терять в смысле карьеры было особенно нечего.

Катя поставила мужа перед фактом, что опять уволилась, и, заняв у Людмилиной сестры необходимую сумму, отправилась за новой профессией.

По истечении обещанного срока она стала обладательницей сертификата, а в качестве уже бесплатного напутствия получила совет. Все, кто учился с ней, получили, не одна она.

Совет был таков. Мы вам тут много чего рассказали полезного, даже просто необходимого для выбранной вами специальности, только, ребята, сразу не беритесь, рано. Лучше всего походить в помощниках у хорошего специалиста, сначала на побегушках, а потом, смотришь, начнет секретами делиться.

Среди слушателей персон женского пола было мало, а если точно говорить, то такая персона была одна, и никто ее всерьез не принимал. А мальчики сразу же возмутились. Типа, мы вам денег заплатили, неплохую сумму, между прочим, а оказывается, только за бумажку вашу такую-то и такую… Не скандалили, но были на грани.

На что получили ответ. Бумажка данная, господа системные администраторы, дорогого стоит, в этом вы убедитесь, когда будете ее в отделе кадров демонстрировать, а что касается объемов знаний, то профессия такова, что, кроме знаний, требует мозгов и опыта, поэтому полученных знаний вам должно хватить, а все остальное – уже не наша компетенция.

После чего недовольно ворчащие дипломированные специалисты отправились отмечать получение дипломов в ближайший «Макдоналдс», а Катя – домой. Ей никто не предложил участвовать в мероприятии, а она и не рвалась.

Как-то так получилось, что отсутствовал кураж у нее в тот период ее биографии и на общечеловеческое общение, и на дурашливый флирт, и тем более на любовные триумфы, необходимые для самоутверждения и поддержания глупой иллюзии, что жизнь проживается не зря.

Вяло было на душе и тоскливо. Что-то непонятное происходило в семье. Борик прятал глаза. Пахло враньем и нелюбовью.

Родителей, любимых родителей больше не было с ней, и спросить совета не у кого.

Не у Людки же… Людка ведь ничего нового не скажет. Заладит свое: «Тебе говорили, но ты же у нас все сама знаешь. Хорошо хоть, что детей нет!»

«И не будет», – мысленно добавила Катя. Сказать по правде, она и сама не знала, хорошо это или плохо, что их нет. И не будет.

С одной стороны, ее не обошла общеженская истерическая программа, что отсутствие детей – это большое несчастье, а их присутствие, наоборот, счастье и полнота жизни, и к этой сверхцели надо стремиться через все препоны.

С другой – как человек, который не боится быть циничным перед самой собой, – она считала, что это еще большой вопрос, как оно лучше, с детьми или без детей, особенно если оглянуться по сторонам и хорошенько вникнуть в чужие судьбы.

С третьей – сколько ни искала, не смогла найти в себе Катерина то самое материнское чувство и стремление кого-то там вскармливать, воспитывать, а впоследствии поднимать.

Катя допускала, что чувство может возникнуть после того, как чадо появится на свет, но шансов на это не было. По всем медицинским показателям не было, только Людмиле об этом знать необязательно.

Но должно же человеку хоть в чем-то повезти! И Кате повезло с ее новой работой.

Как же она ей нравилась! Катя совершенно не огорчилась, что ей придется идти в подмастерья, потому что насчет устройства мира иллюзий не испытывала. В этой профессии ей придется силой расчищать себе место и завоевывать авторитет. Мужской шовинизм просочился даже в женские сердца менеджеров по персоналу.

Кстати, нужно поторапливаться, а то до вечера она не успеет все закончить, и Валера будет бухтеть. Работа системного администратора оказалась не вполне нормированной, и ей, молодой холостячке, это даже нравилось. Работать в субботу, конечно, нет. Но издержки профессии, ничего тут не поделаешь.

Она размышляла, стоит ли ей озаботиться пропитанием и взять с собой пару бутербродов, потому что корпоративная столовка по субботам не работает, как в дверь позвонила соседка по площадке, которая зашла, чтобы одолжиться тысчонкой до конца месяца.

Катя деньги дала, после чего ей пришлось выслушать, зачем Ирине Николаевне такая сумма.

– Видите ли, деточка, – говорила Ирина Николаевна, – для многих людей из нашего дома данная сумма, безусловно, покажется ничтожной, из-за нее не следует бегать по соседям и униженно просить об одолжении. Но это касается не всех, отнюдь не всех. Не у всех сыновья, зятья и дочки работают в банках или, например, в Газпроме. Отнюдь. Например, я вынуждена экономить копейки со своей пенсии, чтобы сделать Васе приятное, но не всегда это получается. Сэкономить, я имею в виду.

Катя слушала, старательно и сочувственно улыбалась, кивала в нужных местах. Ей не хотелось ссориться с соседкой.

Она не знала точно, где работает соседкин сын, а также соседкина невестка, но зарабатывали они неплохо и о матери заботились. По крайней мере, еженедельно либо сын Андрей, либо жена его Рита выволакивают из багажника серого «Ниссана» пудовые сумки с продуктами, при этом, если мама в хорошем расположении, из глубины квартиры доносится плаксивое: «Деточки, что же вы маму забыли, не приедете, не навестите?» – а если расположение духа не очень, что бывает чаще, то желчное: «Явились, наконец. Думала, уж и не дождусь». Дважды в год – примерно в мае и в октябре, это по выбору заинтересованной стороны, Ирина Николаевна поправляет здоровье в санатории.

А Васей, насколько знала Катерина, зовут соседкиного кота.

Катя уже зашнуровывала берцы и перебирала в уме, все ли она взяла из того, что ей будет сегодня необходимо, как прямо над головой грянул звонок. Он зашелся сплошной пронзительной трелью, без пауз, без промежутков и был такой отчаянный, что Катя, даже не посмотрев в глазок, распахнула дверь.

За дверью стояла Вика. Испуганные глаза, трясущиеся губы.

– Лидушку убили. Какой-то гад Лидушку убил. В кабинете. Мы ее нашли в кабинете. Мертвая, задушена. Думают, что Генка! – и зарыдала.

Катя потащила Викусю на кухню, стала совать ей кружку с водой, гладила по голове, прижимала, трясла, просила, чтобы успокоилась, еще что-то делала, и наконец Вика утихла и теперь сидела согнувшись, тяжело вздыхая и всхлипывая.

Катя позвонила Валере-начальнику, предупредила, что задержится, а на его возмущенные вопли сказала, что, возможно, сегодня и не придет, и вернулась к Вике, чтобы хоть что-то выяснить, а потом уж идти в интернат.

Да, идти надо. Что там с Геной, что за чепуха…

Из Викиных слов следовало, что она, выйдя от Кати, тут же отправилась в интернат, имея намерение оттащить Генку от его ненаглядной химии и уговорить тихонько проникнуть в кабинет директора, чтобы снова разжиться там Интернетом.

– Зачем? – тихо спросила Катя. – У вас же Интернет подведен, в компьютерном зале. Я же все вам там отладила.

Компьютерным залом теперь называли бывшую вторую игровую, и всем это нравилось – и детям, и персоналу.

– Теть Кать, ну нам проголосовать нужно было еще разик на одном сайте, на форуме то есть, но только с другого компа, а то с наших больше не получалось. Мы пробовали, а сайт сигналит, что уже голосовали, и не принимает, а где голосовали, если только с одного голосовали, а с других двух не голосовали! А надо проголосовать, своих поддержать, а то они не выиграют!

– Мошенничать нехорошо, – отрешенно как-то проговорила Катя. – Значит, вы с Геной ее там и обнаружили. Бедные, бедные детки…

– Ничего мы не детки! – шепотом выкрикнула Викуся. – Только Лидушку так жалко! И страшно было очень на нее мертвую смотреть. – Вика опять заплакала, но тихонько, только вздрагивали худенькие плечи.

– Ну а Гена тут при чем?

– Это завхозиха дура! Танзиля, блин, Усмановна! Говорит: «А ты, Геночка, не уходи пока никуда, пока полиция не приедет! Я, говорит, сейчас полицию вызову, так они с тобой наверняка поговорить захотят!» Шалава! Вечно за всеми следит! И по тумбочкам она шарила, я знаю!

Катя вздохнула тяжело.

– Пойдем, Викусь, а то тебя еще хватятся. Пойдем, может, помощь нужна.

Катя сама не очень понимала, что говорит, какая помощь, кому?.. Если Танзиля Усмановна на месте, то никакой особой помощи не требуется. Толковая тетка, они с Лидией Петровной давно, года четыре, наверно. Лидия – на мостике, а Танзиля боцманом. Хороший боцман.

Но как же Вику одну отправить обратно, если она прибежала сюда? И что там в конце концов с Геной? Хорошо бы Вике сегодня здесь остаться на ночь. Или Гену тоже отпросить? А отпустят?

«Да почему не отпустят-то?» – рассердилась на себя Катя. Ей было муторно, и она начинала почему-то бояться. «Что за глупости? Ни при чем дети, ни Вика, ни Гена!.. Прекрати истерить сейчас же!» – сама на себя прикрикнула Катя, стараясь справиться с паникой.

Викуся, шмыгая носом, снова завязывала на себе шарф, как и час назад. Катя кинулась искать свой рюкзак, который обнаружился на полу возле мойки, подхватила его за лямку, приобняла другой рукой Вику и легонько выдвинула ее в сторону входной двери, которая оказалась незапертой и даже слегка покачивалась от подъездного сквозняка.

Заперев оба замка, Катя бросила внимательный взгляд в сторону соседских дверей и почему-то представила весьма предметно распластанное ухо соседки Ирины Николаевны, плотно прилипшее к дерматиновой поверхности по ту сторону зрительного пространства. Или

нет. Ухо было минутой раньше. Теперь – глаз. Теперь был прилипший глаз и не к дерматиновой поверхности, а к цейсовской оптике дверного глазка.

Едва удержав себя от непристойного подросткового жеста в направлении этого самого живого глазка, Катя нахлобучила капюшон, схватила Вику под острый локоть и потащила по лестнице вниз, чтобы не маячить тут несколько лишних минут и не испытывать соседкино терпение, которое кончалось, и Катя это чувствовала. Вот она сейчас выплывет на лестничную клетку и задаст какой-нибудь наводящий вопрос.

А Кате очень не хотелось никаких вопросов. У нее у самой этих вопросов было – тьма. Их количество стремительно увеличивалось, они всплывали бесконтрольно, долбили несчастный череп, и почему-то казалось, что долбят снаружи. Самый главный из них был не кто, а почему и за что?

Танзиля плакала. Она сидела в своем кабинете, который больше был похож на кладовочку, очень такую симпатичную кладовочку, где глаз понимающего человека радовали запасы канцелярских принадлежностей, бытовой химии, отдельно – коробочек коркуновских и бабаевских и – даже! – фляжек коньячка. Она сидела на полу, зарывшись мокрым лицом в пыльную атласную занавеску, и ей не хотелось встать и пересесть в кресло на колесиках или на старый продавленный диван. Ей хотелось только одного. Чтобы ничего этого не было.

Чтобы не было мертвой Лиды, не было этой беды, не было также и странного чувства, которое Танзиля не желала замечать, а оно лезло, лезло!..

Да ни в чем она не виновата, отстаньте! Не то, так это, а все равно так бы и случилось, раз кто-то так решил!

Решил? Что решил? Лиду убить решил? А кто? Кто? А может, решил бы, да не убил бы, если бы не ты, Танзилюшечка? А?

Танзиля понимала, что все, хватит уже, нужно идти, что-то делать, говорить, быть там, снаружи. А морда зареванная – так этим сейчас и не удивишь никого. Лиду она любила. Но как бы ей хотелось, чтобы оказалось все так, как если бы она была совсем ни при чем.

«Да что я такое придумала на себя! – обозлилась она, собравшись с силами. – Просто завидовала всегда Лиде, вот и кажется, что в ее смерти виновата».

– Нервы лечить надо, уважаемая, – проговорила шепотом сама себе Танзиля и, ухватившись за край подоконника и опираясь другой рукой в пол, медленно встала, подошла к зеркалу над рукомойником, провела пальцами по несчастному заплаканному лицу и направилась к двери, чтобы выйти туда, наружу.

Полиция уехала. Тело несчастной Лиды увезли. Поняли они что-то или нет, никому не доложили. Предупредили, что, возможно, вызовут повесткой или сами заедут, предварительно предупредив. Вежливые и равнодушные.

В коридоре ее догнала эта девица, Екатерина, что ли. Соседка Лидина. Чего ей тут надо… А, детей отпросить хочет.

Танзиля пожала плечами.

– Под вашу ответственность и только Медведеву, – вяло произнесла она. «Кого, интересно, теперь назначат. А, неважно. Хотя, лучше бы не Меркулова, он, говорят, идиот, цепляется не по делу и строить очень любит. А детей не любит совсем». «Да кто их любит вообще, тем более сейчас! – визгливым голосом заговорила внутри себя Танзиля, обращаясь к Танзиле предыдущей. – Это все вы с Лидушкой идиотничали, забота, долг, сюси-пуси!.. А что у тебя нет семьи, что у нее нет. Не было. Так что – Меркулов, Фигулов, хрен собачий – без разницы. Я работу свою знаю, а остальное – нервы лечить надо».

– Танзиля Усмановна! Танзиля Усмановна, извините, что отвлекаю…

«А, это та девица, не ушла еще».

Танзиля сделала внимательное лицо и даже любезно улыбнулась одним ртом. Спонсор все-таки, бесплатный компьютерный сервис, нужно потерпеть.

– Танзиля Усмановна, вы не припомните, дверь задняя вчера закрыта была, как обычно? То есть вы извините меня, пожалуйста, что лезу…

Девица не смогла договорить, потому что Танзиля внезапно почувствовала холодный, просто ледяной страх и ничего умнее и лучше не смогла придумать, как прервать Катерину на середине фразы. Она проскрипела:

– На этот вопрос я отвечала полиции, потому что они имеют право задавать вопросы и получать ответы, чтобы быстро и правильно выполнять свою работу, в данном случае – выяснить личность убийцы. И я не понимаю, почему вы меня об этом спрашиваете и, главное, почему я вам должна отвечать, – Танзиля наклонила голову и собралась уйти прочь.

– Я все понимаю, извините еще раз, – пробормотала девица. – Просто… Геннадия, кажется, подозревают. Двери входные заперты были, в интернате только свои, а он был неоднократно замечен в проникновении – по их терминологии. Кажется, именно вы, Танзиля, их на этот счет просветили? Обычный подросток, а ему психическую нестабильность припаяют, и вперед, в спецбольницу. Вам не жалко его?

– А кто еще? – выкрикнула вдруг Танзиля. – Кто? И не пропало ничего! Зачем лезть? Зачем с такими трудностями на третий этаж к ней пробираться? Ведь не видел никто никакого постороннего и не слышал никто ничего странного! Да и ценного не было ничего у Лиды на тот момент, кроме сережек с турмалином, которые так на ней и остались!

Тут Танзиля Усмановна опять вспомнила все, что было утром, и все, что она увидела в кабинете у начальницы, и саму начальницу, мертвую, задушенную, страшную. Прикрыв рот рукой, она быстро, почти бегом, пошла прочь.

Катя с Викусей присели рядышком на банкетку возле поста охраны. Молчали, пригорюнившись.

Охрана в лице Петра Михайловича, пенсионера, их не трогала и не прогоняла. Петр Михайлович сам был в состоянии не лучшем, так как преступление произошло именно в его смену, а именно – накануне, в пятницу вечером, и это не просто служебная неприятность, это как раз то, что может быть названо преступной халатностью, повлекшей и так далее, со всеми вытекающими из этой формулировки катастрофическими последствиями. Думать об этом было страшно.

Хотя он не был циником, а был нормальным пожилым дядькой и Лидию Петровну жалел, но вполне понятный страх мешал ему жалеть от всей души и на совесть.

Он прохаживался взад и вперед по просторному вестибюлю, засунув большие пальцы за ремень форменных штанов и напряженно вспоминал весь вчерашний вечер, стараясь за что-то зацепиться в памяти и понять наконец, что же на самом деле произошло, потому что в виновность воспитанника Коростылева Геннадия Дмитриевича, семнадцати лет от роду, он не верил.

Заступил на смену он в восемь вечера, пришел вовремя, даже немножко раньше. Сменял Фадеева, тоже, кстати, Петра, только Федоровича. Хотя, какой он Федорович. Петя просто, студент-заочник. Правда, армию отслужил. Но все равно, пацан еще.

Петя ввел его в курс последних событий, потом сбегал и проверил черную лестницу, убедился, что стальные задвижки на всех дверях закрыты и никто из контингента не проник на запретную территорию, – эту процедуру полагается выполнять каждый раз в пересменку.

Иногда ребята, конечно, это не делают, потому что лень, да и незачем, тупая перестраховка, но Петр Михайлович когда-то служил на флоте и порядок знает. Когда он принимает смену, все неукоснительно исполняется, ребята привыкли и не бунтуют, потому как проще до третьего и обратно вниз пробежаться, чем что-то пытаться объяснить «этому дуболому».

Про «дуболома» Петр Михайлович знал, доложили, но поскольку симпатий у штатских никогда не искал, а соблюдение правил считал стержнем жизни, то относился к сему определению почти как к похвальной краткой характеристике.

Так, что там Петя ему доложил, когда смену сдавал?

А, вот что. Директриса позвонила по местному и предупредила, что к ней должен спонсор подъехать, с ним еще человек, то ли адвокат, то ли нотариус, чтобы пропустили и препроводили с почетом. Хотя, может, и не подъедет, но о визите уведомил. Заместительша ее, Танзиля Усмановна, уже отбыла, буквально минут за десять до его, Петра Михайловича, появления.

Хорошая женщина, строгая, порядок любит. Петр Михайлович таких женщин уважал, нет, не робел, конечно, но был слегка подобострастен, совсем слегка, и активно исполнителен.

Секретарша еще раньше уползла, гюрза на пенсии…

Так что, кроме самой директрисы, в здании наличествовало три воспитателя, медсестра дежурная, кто-то, кажется, на кухне еще остался. Да все как обычно! Никто так и не пришел, никакие спонсоры с адвокатами.

Танзиля Усмановна, правда, прибегала, ключи забыла, пришлось от метро возвращаться.

А что Лидия Петровна домой так и не пошла, так это как раз Петра Михайловича и не удивило. Начальница иногда оставалась переночевать в интернате, у нее и диван в кабинете приспособлен, и плед, и подушка в шкафу. А чего бы ей не переночевать? Дома никто не ждет, не беспокоится, зудеть не будет, что вот, опять на работе оставалась, вот, домой не спешит, или еще какую глупость…

Тут Петр Михайлович сбился с настроения и запутался. Он что хотел – съязвить, что начальница не обременена, так сказать, семьей и заботой, или же позавидовать ей, что никто не мотает нервы и не заставляет оправдываться, отпрашиваться и объясняться?

Сам Петр Михайлович вполне удовлетворился бы одной только своей пенсией плюс кабачки на даче, но. Но у него была домовитая и толстая жена, а взрослый сын, женившийся недавно, уже с ними не жил, а снимал однушку в Бибиреве, чтобы спастись от мамашиной всепроникающей заботы и заодно сохранить мир в собственной новенькой семье.

Его трудно было в чем-то упрекнуть, но Таисия – так звали маманьку – всерьез обиделась на сына и, конечно, на невестку, так как вместе с ними из ее жизни ушел большой кусок, вернее, улизнуло большое поле или даже поприще для воспитания, обучения и подачи всяческих команд.

Отсюда весь гнет супружниной домовитости и заботы приходилось нести Петру Михайловичу единолично, а это трудно.

И эта отдушина сутки через трое ему была совершенно необходима. Здесь, в интернате, у него авторитет, персонал уважает, воспитанники побаиваются, охламоны-подчиненные в лице трех сотрудников охранного агентства подчиняются, как и полагается подчиненным.

От размышлений его отвлек глухой стук, оказавшийся звуком свалившегося Катиного рюкзака, ранее небрежно брошенного на край скамеечки.

Петр Михайлович Катю знал и относился к ней доброжелательно, с уважением. Конечно, это было не то чистое уважение, как к Танзиле Усмановне, Катя не внушала ему такого подобострастного трепета, но помимо любви к порядку и дисциплине, он еще ценил в людях самостоятельность, которая зиждется на профессии.

Он так сыну своему всегда и говорил: «Если ты штатский, то должен получить хорошую профессию». Или мог сказать: «хорошую специальность».

Всех этих новых, начинающихся словом «менеджер», за профессию не считал, так, пыле-в-глаза-пускание и из-пустого-в-порожнее-переливание, а профессия должна быть настоящая – учитель, врач, токарь…

Когда он разобрался, чем занимается Катюша, то сразу дал определение – профессия. Он всегда с ней вежливо здоровался и даже как-то помог дотащить тяжелую коробку с железом и инструментами в другой конец коридора, хотя это и не положено.

Поэтому ему показалось грубым спросить Катю, что она тут так долго делает, и он завуалировал свой профессиональный интерес, сформулировав поделикатнее.

– Э-э-э… Ждете кого-то, Екатерина Евгеньевна? – с легким наклоном головы осведомился он, остановившись напротив скамеечки и расставив ноги на ширине плеч. Больших пальцев из-за брючного ремня он не вынул, чтобы выглядеть красиво и мужественно.

Катя подняла голову и ответила задумчиво:

– В себя приходим, Петр Михайлович. Сейчас пойдем уже.

– Да… Надо же как… – вдохнул он тяжело. – И, главное, непонятно – за что, почему? Кто?

– Генка тут ни при чем! – зло выкрикнула Виктория. – Он любил Лидушку! Да хоть бы и терпеть не мог, какая разница! Он не убийца! И он нормальный! Теть Кать, скажи!

– Да никто всерьез и не думает так, – отмахнулся Петр Михайлович.

– Да! Не думает! Еще как думают! Сразу вены смотреть стали! Попросили вещи показать! Теперь потащат куда-то на анализы! Он сидит, не разговаривает ни с кем! Даже с нами, даже вон с тетей Катей не стал говорить!

Петр Михайлович вопросительно посмотрел на Катю.

– Так и есть, – устало сказала она. – Таков ход полицейской мысли. В этот промежуток, когда предположительно ее… она умерла, все было закрыто или под охраной. Все было закрыто, следов взлома не обнаружено, ни войти, ни выйти никто посторонний не мог.

Катя поднялась со скамеечки и потянула за собой Викусю.

– Петр Михайлович, мы сейчас уже пойдем, Вику со мной отпустили до завтрашнего вечера, но мне надо еще в компьютерный зал зайти, раз уж я сегодня здесь. Ребята сказали, что-то там глючит, надо проверить, – и Катя потянула Вику в сторону лестницы.

Вика послушно потащилась за ней, сунув руки в карманы куртки и тяжело вздыхая. Поднялись на второй этаж, Катя открыла своим ключом дверь компьютерного зала, пропустила Вику и, закрыв плотно дверь, осмотрелась.

Ранние ноябрьские сумерки уже вползли сюда через незашторенные окна и осели на столы и стеллажи, и неудобные старые стулья, и новые офисные кресла на колесиках, растеклись по бывшей классной комнате, а может, бывшему кабинету физики или истории, а теперь уже бывшей игровой. Вдоль задней стены рядком матово отсвечивали новенькие мониторы, значительно светились красными огоньками компьютерные мыши.

Она не собиралась тут ничего делать, проверять, лечить, да и не было никаких жалоб на самом деле. Катя все придумала. Потому что у нее появилось намерение, и с этим намерением нужно было разобраться сегодня и, главное, здесь, в интернате.

– Викусь, послушай меня. Давай просто поговорим, порассуждаем. Генка ни в чем не виноват, это аксиома, так? Для нас аксиома.

– Ну. И что с того. Легче ему от этого? – не поднимая глаз, криво усмехнулась Вика.

– Думаю, легче. Но я не об этом. Смотри, что получается. Если это не Генка, а это не Генка, значит, кто-то все-таки смог пробраться к ней на третий этаж и, главное, смог выбраться обратно.

– Не факт, – вяло возразила Викуся. – В интернате народу полно было, кроме Генки. Ну почему они сразу на него, а?! Вон, со Швыдкиным Лидушка ругалась недавно, я сама слышала! Орала на него, как боевая слониха, и бумажками какими-то трясла.

– Ху из Швыдкин? – спросила Катя.

– Так бухгалтер приходящий, тот еще кекс. Ты его, теть Кать, видеть не могла, а мне поверь – сволочь. Тощий, лысый, рот в ниточку и разговаривает сквозь зубы. Мне он на фиг

не нужен, а я слышала, что про него воспиталки говорили. Говорят, сто раз подумаешь, так ли уж эта справка нужна, прежде чем к Скелетону обращаться.

Катя хмыкнула.

– Для бухгалтера это нормально, других не бывает.

– Ага, – продолжила горячиться Вика. – Украл, небось, наши денежки, а Лида его вывела на чистую воду, вот он ее и устранил. Хорош мотивчик?

– Кстати, он вчера тут имелся в наличии? Полиции про тот скандал рассказали?

– Не было, – недовольно ответила Вика. – Он только во вторник и четверг нас посещает, кажется. Да все менты уже проверили. У всех алиби, все друг у друга на виду были. Воспиталки с мелкими сидели, Танзиля с уборщицами ругалась, это многие слышали, а потом она домой пошла. Галочка с девчонками в сортире курила, а потом к нам в комнату зашла за журнальчиком, девчонки ей «Отдохни!» старый откопали. Галочка – это медсестра новенькая, ты ее, наверно, еще не видела. Прикольная такая. Когда вышла на работу, оделась в такой халатик сексапильный с одной пуговкой чуть выше пупка, короткий, аж жуть берет, мы с девками обалдели просто. Думаем, что-то будет. Ну парни-то ее оборжали. Лидушка, вроде ничего, хмыкнула только. А вот Танзилюшка оттянулась! Ты голос ее слышала? Когда орет? Вот! Она Галочке все объяснила про «облико морале», с первого по третий было слышно. Теперь ходит в белом балахоне. Да нет, ни при чем Галочка, хлипенькая она, как водомерка, куда ей на Лиду!

Тут до Виктории вдруг дошло, на какой предмет она с таким юмором рассуждает, и ей опять стало тяжко. Она отвернулась к темному монитору, возле которого до этого каталась на вращающемся кресле, и зажала ладошкой рот, стараясь справиться с подступающими слезами.

Катя не кинулась ее утешать и не сделала вид, что не замечает ее горя, а сидела и молчала, о чем-то думая. Что же тут скажешь… Тяжело, конечно, но горе ли это?

И тут Викуся заговорила, словно поняв, о чем думает Катя. Тихо, с промежутками, не оборачиваясь.

– А ты знаешь, теть Кать, мы ведь не верили ей сначала, никто, даже малышня, а потом… Она жалела маленьких, знаешь как? Она вправду жалела! По головке гладила, ласковые слова говорила. Вот воспиталка скажет: «Миленький, маленький!» – хрень несет, убить хочется, врет, гадина, работает, а Лидушка жалела. А нас никто не жалеет, и друг друга мы не жалеем, а она… Даже когда орала за что-то, все равно жалела! Мы-то молчим про это, не обсуждаем, на фиг нам жалость, мы что – уроды, чтобы нас жалеть, и не поверю никогда, что кому-то нас жалко, что аж сердце у него рвется, а ей верю! Верила.

А как она за нас в школе заступалась! Неохота им, видите ли, своих придурков домашних с детдомовскими в один класс сажать, а надо, ничего не попишешь… При каждом случае жаловались на нас, что третируем мы там кого-то, покалечить можем, плохому учим. Уржаться! Кого там учить? Там учить некого, все давно ученые! Нужны нам они, калечить их… К нам просто не лезьте и мелких не цепляйте, а то, если из интерната, то значит, и издеваться можно?! А вот хрен вам, нельзя!

Сергуня, когда в первый класс пошел, ему кто-то из старших придурков рюкзак порвал и на лбу фломастером написал «Я – дебил». Сергуня сразу побежал и разыскал Толика Фалалеева, ты его не знаешь, он уже от нас ушел, а тогда в девятом учился. Толик всех наших собрал, кто на тот момент в школе был, и пошел разбираться с этим придурком. Конечно, рюкзак ему уделал, а как же, ведь не поймет же по-другому. И слова разные написал и на лбу, и на пузе, и еще где-то. Училки в истерике, чуть не ОМОН вызывать собираются, а кто-то сюда позвонил. Лидушка сразу в школу прибежала и давай разборку устраивать! Они на нее орут, но ее фиг собьешь! Прикинь, отбила! Еще и пригрозила, что сама жалобу в районо подаст, потому что не воспитывают своих подрастающих уродов и за порядком в школе не смотрят, и дедовщину им еще приплела. И говорит, скажите спасибо, что в детской комнате полиции дело заводить на вашего ученика не будем! Так все обернула и такого страху нагнала, с нами потом дирек-

тор школы за руку здоровался. Шучу. И заметь, на их территории про наших ни одного слова плохого, тем более бранного, от нее не услышали.

Шли от школы так чинно-благородно, просто картина маслом. А как пришли, как двери за нами закрыли, тут началось! Один Сергуня не пострадал, а старших всех картошку чистить назначила, на неделю, ну и отчихвостила защитничков, только что по шеям не надавала, потому что, говорит, испугалась за вас, балбесы, ведь как угодно ситуация сложиться могла, и до сих пор еще не все ясно. Велела в следующий раз ни во что не ввязываться, а сразу же за ней бежать. Потом у нее давление сильно повысилось, но неотложку вызывать не стала. Говорит, напряжение нужно снять, оно в норму и придет. Так они втроем в кабинете у Усмановны напряжение коньячком снимали, Сергуня и Павлик чего-то рядом забыли и слышали, как тетки ржут, а потом Лидушка им сказала: «Что-то, девки, мне кажется, что следующий раз не скоро будет», – и опять они грохнули. Напряжение-то снялось, понятное дело.

– А кто третий-то с ними был? – осторожно спросила Катя. – Бухгалтер Скелетонов, что ли?

Она нарочно про Скелетона спросила, понятно же, что не он, но ей хотелось Вику хоть немножко, на короткое время, отвлечь, а потом уж полегче будет, с каждым днем будет легче, Катя знала. Плохое уходит, хорошее остается навсегда. У нее в памяти тоже живет веселая мама и добрый отец, а все другое, тяжкое, всю ту прошлую невыносимую жалость, боль и ужас потери Катя почти изжила. Так. Надо отвлечься.

– Или медсестра Галочка?

– Нет, ну ты чего, теть Кать, Галочка недавно же у нас. С Кларой Григорьевной они квасили, секретаршей нашей. Клара Григорьевна вместе с Лидушкой в академии какой-то преподавала, она училка бывшая, истории, прикинь? А теперь в приемной перед Лидиным кабинетом сидит.

– А, да, помню. Видела ее как-то. Многозначительная такая бабуля, только пенсне не хватает. Надо же, коньячок кушает!

Стало тихо. Викуся смотрела на свое отражение в темном вечернем окне, и о чем она думала, Катя не знала, а Катя думала, что Лидию Петровну не вернуть, какая тогда разница, кто ее убил, безжалостно затянув нелепый шелковый шарф на беззащитной шее немолодой директрисы, которую, оказывается, так любили ее воспитанники.

Она представила себе, как Гена лежит сейчас на своей казенной койке, отвернувшись от всего мира, а рядом, в этой же самой спальне на восемь человек, тихонько переговариваются, переругиваются, пересмеиваются его товарищи, занятые обычным вечерним ничегонеделанием, и он думает, что они думают, что он убил, а это гаже всего.

«Ну а я-то что могу?» – промелькнула виноватая мыслишка в голове у Кати. И ее тут же обогнала другая: «А почему ты знаешь, что ничего не можешь, если ты ничего не пробовала? Тебе лень. И все. Никаких высоких мотивов. Просто ломает что-то делать. Так ведь? И вообще… Вдруг действительно это Генка? А? Ты ведь тоже это допускаешь?»

– Послушай, Викусь, – прокашлявшись прервала молчание и свой внутренний диалог Катя, – давай все-таки попробуем допустить, что это был кто-то с улицы. Нам только нужно выяснить, возможно ли это было в принципе, понимаешь? Если да, то вот с этим самым мы и пойдем с тобой к следователю, вернее, я схожу. Тогда хоть Гене в глаза смогу посмотреть.

– А если мы выясним обратное, то и смотреть на него не будем, так, что ли? Убийцей его считать начнем? В результате собственного, так сказать, расследования? – взъерепенилась Викуся.

– Нет, – спокойно ответила Катя. – Мы тогда что-нибудь еще делать станем, потом видно будет. Но надо же с чего-то начать? У тебя есть другой план?

У Викуси плана не было, и даже то, что предложила Катя, ей в голову не пришло.

Вика вообще по складу своему предпочитала не генерировать, а критиковать. Но сейчас она с критикой притормозила, поскольку в ситуации, в которой оказался ее разлюбезный Генка, сидеть сложа руки и вправду было невозможно, а Катя предложила хоть и убогий, с Викиной точки зрения, но все ж таки план.

– Ну давай попробуем, – вяло согласилась она. – С чего начнем попытку?

– Давай рассуждать логически, – произнесла Катя почти хрестоматийную фразу. – Есть у нас в наличии аж четыре наружных двери, две с фасада и две, соответственно, со двора. И две лестницы, основная и запасная. И на каждую из них можно попасть как с крыльца, так и с черного хода. Правильно?

– Еще с каждого этажа можно попасть, – сохраняя скептический вид, подключилась Викуся.

– Совершенно верно, спасибо, Вик. Итак. Через главный вход преступник мог пройти?

И сама себе ответила:

– Не мог, его Михалычевы гвардейцы держат. Идем далее. Через вход со двора, который к задкам основной лестницы ведет, мог? В принципе, да.

– Он дурак? – ядовито спросила Викуся. – По этой лестнице до отбоя толпы носятся. Или он решил так затеряться?

– Значит, мог, но возможность, скорее всего, не использовал, – пропустив Викино хамство, невозмутимо продолжила Катя. – Что остается? Остается еще второе крыльцо. Той дверью вообще пользуются когда-нибудь?

Вика пожала плечами:

– Как ей можно пользоваться, если тамбур Танзилюшка под ведра и швабры приспособила? Она вообще туда шкаф железный загнала, он как раз эту дверь изнутри подпирает. Шкаф огромадный. Когда его мужики туда впихивали, мелких по спальням разогнали, такой мат стоял.

– Значит, у нас остается только та задняя дверь, которая на резервную лестницу выводит, так я понимаю?

– Именно, именно, – язвительно согласилась Викуся. – Как раз про эту дверь все в один голос и поют, что она была закрыта. И на задвижку, и на замок.

Катя посмотрела на нее с грустным недоумением, но ничего не сказала, а Викуся вдруг опомнилась и даже слегка устыдилась. «Что это я выпендриваюсь?» – покаянно подумала она, а потом сама себе ответила, что это у нее от стресса, но все равно надо кончать.

– Но если бы та дверь все-таки была открыта, мог бы преступник проникнуть на третий этаж? По этой запасной лестнице?

– Теть Кать, мог, конечно. Но ведь охранник же проверял. И Танзиля сказала ментам, что дверь вчера она закрыла.

– Постой, Вик, что значит – закрыла? Она, что, открывала ее? Разве дверь не постоянно закрыта? Так сказать, намертво?

– Да там мешки с цементом вчера таскали, вроде небольшие с виду, а тяжелые такие, заразы. Мешков десять, наверно. На «Газели» заехали во двор и прямо за дверь сгружали, так к подвалу ближе. Мы с ребятами как раз из школы шли, поглазеть решили. Короче, пол там потрескался, сыро стало, конкретное болото. А недавно приходили две тетки, счетчики проверяли на трубах, ну и наткнулись на лужи. Развопились, что штраф нам накатят, потому что протечки у нас. Потом разобрались, правда, что их трубы тут ни при чем, а ремонтировать-то все равно надо, вот и решили цементом по-быстрому нашлепать. А летом краску завезли, чтобы батареи красить, и одну банку шарахнули прямо об ступени. Прикинь, она почему-то в стекле была. Может, ворованная, как ты считаешь? Такая вонь стояла, что крысы дышать выбегали, рядком садились, честное слово, я не прикалываюсь!

Катя решила не отвлекаться на крыс, несмотря на то что Викусе очень хотелось, чтобы та взвизгнула, или ужаснулась как-то, или поахала. Катя только улыбнулась мельком и спросила:

– Скажи, Викусь, а во сколько вы из школы вчера пришли?

– В четыре. Ну, может, без двадцати. И как раз хвост «Газелин» увидели, когда она во двор сворачивала. Любопытно же, вот мы кружочек вокруг дома и сделали.

– Вик, а Танзиля всегда такая нервная или только сегодня? Может, все-таки дверь вчера она не закрыла?

– Блин! Похоже. Думаешь, это она нарочно? В сговоре была? С убийцей? Вот сволочь.

– Неважно, Викусь. То есть я хочу сказать, что сейчас это неважно. Она могла и просто забыть, и, кстати, от этого тоже можно нервничать. А важно то, что преступник все-таки мог попасть на третий этаж незамеченным.

– Теть Кать, не получается все равно. Ребята-охранники каждый вечер ту лестницу проверяют, и вчера проверяли. Ты же слышала, что дедуля Терехин менту отвечал. Мы с тобой, когда только пришли, кусок разговора слышали. Ну, помнишь?

Катя вспомнила, да, что-то такое было. Вежливый молодой человек, на которого они наткнулись сразу же, как только открыли входную дверь, обернулся в их сторону и поинтересовался, кто они такие. Изучив Катин паспорт, а потом внимательно осмотрев Викусю, осведомился у Петра Михайловича, известны ли ему эти две особы. Получив утвердительный ответ, кивнул и больше на особ не глядел, давая таким образом понять, что они свободны, а сам снова повернулся в сторону охранника для продолжения разговора.

Петр Михайлович был, кажется, на взводе, но держался молодцом, хотя и говорил механическим голосом. Катя разобрала только что-то про инструкцию, которая категорически запрещает покидать этот пост у входа, и поэтому сдающий смену отправляется проверять запасную лестницу только после прибытия смену принимающего, что и было неукоснительно проделано сдающим, в лице Фадеева Петра Федоровича, и принимающим, в лице его самого, Терехина Петра Михайловича.

Тут его собеседник опять повернул голову в сторону Кати и Викуси, и они испарились.

– Да, я помню, – сказала Катя, – только что это нам такого особенного дает? Убийство совершено было примерно от восьми до девяти вечера, а обход лестницы был до восьми. И мы знаем, что с четырех часов дверь могла быть не заперта.

– И кто же ее тогда запер? – мрачно осведомилась Вика. – Нам попался аккуратный преступник, который за собой закрывает двери?

– Либо нам попался аккуратный преступник, который за собой запирает двери, либо дверь могла закрыть Танзиля, но позже, а не сразу после разгрузки стройматериалов. И дверь мог закрыть охранник Петя. Увидел, что она не на задвижке, и устранил непорядок. Для того ведь и проверять отправился, не так ли?

– Точно! – взбудоражилась Вика. – А не сказал об этом Михалычу, чтобы Михалыч не задавался. Они же там постоянно бодаются из-за этой лестницы, пацанам ходить в лом, а тут получается, что дедуля прав!

– Последнюю версию мы можем проверить с тобой прямо сейчас, – пробормотала Катерина, быстро нажимая на кнопки сотового.

– Але, – бодро проговорила она в трубку. – Здорово, Петро, это Катерина. Как там у тебя, в порядке? Комп не глючит больше? Ну нормалек, рада. Доложили тебе, что у нас тут стряслось? Да, хорошего мало. Да, со всеми говорили. Тетки, конечно, в истерике, а ты как думал. Старик ваш молодцом держится. Это уже другой вопрос, что все равно залезли. Если бы та дверочка была открыта, с вами бы совсем иначе говорили, не находишь? И я о том. Так что ты молоток, что вчера ее закрыл. А? Вот догадалась. То есть как – фиолетово? Вот ты о чем… Петь, а вы прямо до самого третьего этажа проверяете? Тяжелая у вас служба. Да нет, не прикалываюсь! И не издеваюсь, да не обижайся ты! А, ну конечно. Ну молодец, что убедился.

Ну, давай отдыхай пока. С тобой, небось, тоже поговорить захотят. Как там у них называется – снять показания, готовься и не дрейфь. Пока!

Катя нажала клавишу отбоя и, объявив: «Виктория, у нас дело», подхватила рюкзак, вытолкнула по-быстрому Вику в коридор, закрыла дверь на замок и быстрым шагом направилась в сторону лестницы, поправляя на ходу сваливающуюся рюкзачную лямку. Остановилась, оглянулась. Викуся стояла, насупившись, возле закрытой двери компьютерного зала, не сдвинувшись ни на шаг.

Катя быстро вернулась и проговорила тихой скороговоркой:

– Не обижайся, Вик, я тебе потом все объясню. Нам нужно по третьему этажу пройтись, осмотреться, и побыстрее, а то Михалыч нас хватится, орать будет.

Вика с места не сдвинулась.

Мимо них прошла воспитательница Вера Владимировна и посмотрела странно. Выскочила из-за угла коридора стайка девчонок лет двенадцати, Катя никого из них не знала. Пробежали мимо, приостановились, оглянулись, зашушукались и убежали, затопотав по лестнице. В дальнем конце коридора помаячила техничка в сером, бывшем черном, халате.

Катя вздохнула и заговорила вполголоса, придвинувшись поближе к Викиному уху:

– Петя сказал, что он действительно закрыл входную дверь на задвижку, но незапертой была еще и дверь на третьем этаже. Там ведь, кажется, кабинет директора? Он поднялся до третьего этажа, увидел непорядок и задвижку закрыл.

– Ну и чего ты так всполошилась? – скучным голосом спросила Викуся.

– А то, – ответила значительно Катерина, – что Петюня, возможно, запер убийцу на третьем этаже, сам того не ведая, и ему, убийце то есть, пришлось искать потом в срочном порядке другой выход, отличный от входа, сечешь, детка?

– Не называй меня «детка», – зашипела Викуся. – Куда теперь? На этаж?

– На этаж.

И они наконец-то направились к лестнице.

На третьем этаже было тихо и пустовато, то есть в коридорах пустовато. Здесь размещались спальни малышей, приемная директора, и кабинет директорский тоже находился на этом этаже.

Малышам сегодня были прописаны спокойные занятия в виде кубиков и раскрасок, поэтому по коридору они не шныряли и не галдели, а сидели в спальнях под присмотром воспитателей.

Катя впереди, Викуся следом быстрыми осторожными шагами просочились в другой конец коридора и остановились, дойдя до двери, ведущей на запасную лестницу.

Не дыша.

Они обе понимали, что лучше бы никто их тут не застал и не начал расспрашивать, что они тут делают, и что им надо, и так далее. Они, конечно, отобьются, но с этажа придется уйти, их просто прогонят с этажа, и, возможно даже с привлечением администрации и охраны, что всегда неприятно и много сил отнимает. Очень бы этого не хотелось.

На крайний случай решили, что скажут, мол, шли в приемную за какой-то очень нужной вещью, или Вика что-то там забыла случайно.

– Вик, а что ты забыла, давай сразу решим, – предложила предусмотрительная Катя. – Давай это будет мобильник; кстати, где он, что-то я его у тебя давно не видела?

Виктория замерла, задумавшись. Полезла в задний карман джинсов, в нагрудный карман куртки, лоб наморщила озадаченно.

– А! – сказала. – Он у Лидушки.

Катя молча вопросительно смотрела на нее минуту, потом не выдержала и задала естественный вопрос:

– С какого, извини, ляду?

Вика отмерла и начала сбивчиво объяснять про какую-то эсэмэску, которую ей прислала какая-то Лилька и которую, в смысле эсэмэску, необходимо было зачем-то показать директрисе, она и показала, а Лидушка почему-то сразу ей мобильник назад не вернула, а сказала, что вернет его завтра, а назавтра – это четверг, то есть позавчера – Лидушка поперлась с полдня на какое-то совещание, а в пятницу, то есть вчера, Вика про мобильник не вспомнила, а потом Лидушку убили.

Катя пожала плечами и хмыкнула невесело:

– Значит, врать не придется.

У нее завертелся вопрос на языке про эту цепь событий, что-то ее там насторожило, но Вика нетерпеливо трясла ее за плечо, подталкивая к действиям.

Да, конечно, нужно уже заняться тем, ради чего они сюда пришли – реконструкцией событий. Катя уважала солидные формулировки. Хотя в данном случае реконструкция – просто осмотреться и прикинуть.

Сначала Катя осмотрела дверь и убедилась, что дверь была, что надо. Это была замечательная старая дверь, высокая, двустворчатая, и «старая» не в контексте «дряхлая», а вовсе наоборот, мощная, потому что из дуба и потому что по старым советским стандартам. Правда, покрыта жуткой коричневой краской, а отнюдь не морилкой с лаком, но именно почему-то поэтому было видно, что плечом не выдавишь и ногой не выбьешь. И дверной проем был сделан на совесть, и ручка огромной скобой. Благородная бронза была обидно заляпана более поздними отложениями масляной краски. Странно, что Усмановна не отследила.

– Может, в окно? – задумчиво произнесла Катя, осматривая холл, хотя это был не холл вовсе, а просто некое расширение коридора в той его части, где он поворачивал под углом девяносто градусов и уводил к спальням малышни.

– Как ты думаешь, Вик, могли бы мы, к примеру, воспользоваться выходом через окно? Может, снаружи пожарная лестница есть, или труба водосточная, или по карнизу как-то пробраться можно к другому окну? Хотя нет, все окна на зиму уже законсервированы. Но проверить надо.

Они проверили быстро.

Рамы, тщательно уплотненные поролоновыми колбасками и заклеенные двойным слоем бумажного скотча, держались насмерть. Молодец, Танзиля Усмановна, хорошо воспитала технический персонал интерната.

Вика завздыхала. Катя покосилась на нее и предложила бодрым голосом:

– Викусь, а пойдем взглянем на чердак, а? Некуда больше деться отсюда, только на чердак. Или и вправду кто-то свой…

Она не продолжила, но Вика ее поняла. Она еще раз вздохнула и ответила:

– Теть Кать, нам туда не попасть. Ты не знаешь, а я знаю точно. Лестница высоко от пола. Конечно, если ты у нас спортсмен, то подтянешься, а я нет, не подтянусь, – и замолчала, надувшись.

Они пошли обратно по коридору и снова вышли на площадку третьего этажа – так, небольшой квадратик полтора на полтора.

На правой стене площадки располагался пожарный щит с брандспойтом и брезентовым шлангом, свернувшимся кольцами, как огромная улитка, а на левой как-то ненадежно и кривовато висела весьма хлипкая сварная конструкция, составленная из шести поперечных стальных прутков и двух продольных стальных же уголков, – та самая лестница на чердак.

Начиналась она на уровне Катиного подбородка – если от пола, а заканчивалась непосредственно возле чердачного люка в потолке, никак, кстати, не запертого. Просто задвижка.

– То есть, если ты нормальный мужик и у тебя не заняты руки, ты спокойно можешь попасть на чердак. А что дальше? Там выход второй есть, Викусь?

Вика пожала плечами:

– Есть, наверно. Скорее всего, есть. Тут же у нас повсеместная симметрия.

– Интересно, полиция там была? – пробормотала Катя, задрав голову вверх и трогая холодную перекладину. И добавила решительно:

– Нам туда надо.

Она уцепилась левой рукой за нижнюю перекладину, кряхтя, взгромоздилась на перила, ограждающие площадку от полета с третьего на второй, а потом сделала то, чем впоследствии очень гордилась. Утвердившись обеими ступнями поперек широких деревянных перил – сталинское наследие! – она, быстро перебирая передними конечностями по лестничным перекладинам и растянувшись во весь рост, сумела уцепиться аж до второй сверху. Ухватилась крепко, до судороги. Постояла минуту в завоеванном положении, изо всех сил стараясь не взглянуть вниз, передохнула минуту и оттолкнулась от сталинских перил, сделав гигантский шаг кверху, практически прыжок, и – уф! – не промахнулась!

– Ну я каскадер, – нервно пробормотала Катя, по-дурацки вися с отклячённым задом на высоте полутора метров от пола.

Остальная часть операции прошла без надрыва, но и не сказать, что просто. Самым легким было отодвинуть задвижку, но вползание на пузе и локтях в пространство чердака Кате не понравилось.

Вика, задрав голову, наблюдала за ее эквилибристикой и явно боролась с какими-то разнознаковыми мотивами, решая, что предпринять.

Ей совсем не хотелось выглядеть слабачкой и размазней в Катиных глазах, а также в глазах многих других, когда и если эта история станет достоянием гласности. Ей, напротив, хотелось, чтобы все они, и Катя тоже, говорили про Викусю, что Вика крута, очень крута. И, конечно, было интересно посмотреть, как там на чердаке. Не говоря уже о том, что Генку надо спасать, а этим занимается пока только Катя, что неправильно. Генка – Викин друган, хотя Катя, конечно, тоже имеет право помочь, но только помочь.

А мотивы другого толка даже мотивами не назовешь. Это были причины. Вика боялась, что она грохнется с лестницы, Вика боялась, что грохнется аж до первого этажа, а больше всего боялась, что на лестницу не взберется вовсе.

Тут из лючного проема высунулась Катина голова и произнесла, чтобы Вика оставалась на месте и просто ее подождала там внизу, она-де скоро. Голова скрылась, а Вика, кряхтя и отчаянно труся, полезла повторять Катин трюк.

На чердаке было холодно, мрачно и совсем неинтересно. Еще было очень пыльно и пахло, естественно, пылью и еще чем-то непищевым – то ли олифой, то ли масляной краской, то ли вообще растворителем, Катя в этом не разбиралась.

Викуся прокомментировала, что на крыше что-то подновляли летом, у них постоянно что-то подновляют.

Чердак был огромен. Низкие своды крыши с поперечными балками нависали как-то очень неприятно и давяще, особенно ближе к углам, там, где они постепенно смыкались с потолком – или с полом?

Пространство освещено было слабо. Четыре зарешеченных окошечка совсем не давали света по причине наступивших сумерек, да и днем, вероятно, толку от них было мало.

Почти на ощупь, согнувшись пополам – лучше бы на четвереньках, да джинсы жалко, – изо всех сил стараясь не потерять нужное направление, пробирались они от одного края чердака до другого, разыскивая второй чердачный люк.

Без фонарика тут не обойтись, только разве знали они, что может понадобиться фонарик, когда утром, оглушенные известием, спешили в интернат?..

Правда, Катя могла бы сообразить, когда, сидя в компьютерном зале, разрабатывала свои стратегии. Там у нее есть фонарик, отличный фонарик, на лоб надевается, на резинке. Но не сообразила.

Тут она решила не отвлекаться на неуместную самокритику, а попытаться все-таки обнаружить хоть что-нибудь, напоминающее улики. К примеру, пуговицы оторванные, окурки, на худой конец, обертку из-под жевательной резинки.

Нашла смятую пачку от сигарет «Ява», старую. Отбросила в сторону. Газету «Советская Россия». Подумала, не взять ли, такая ностальгическая находка, но газета была с оторванным краем и какая-то перепачканная, ее она тоже отбросила.

Больше никаких видимых следов присутствия жизни, тем более улик. Хотя Катя и не рассчитывала на многое.

Викуся сначала пыхтела сзади, потом обогнала ее гусиным шагом и стала обшаривать углы, вероятно, тоже жаждала криминальных находок. Потом, утомившись, изрекла, что им еще так вот на четвереньках обратно возвращаться, а второй лаз пока не найден.

И тут же: «Во блин, во что это я?..»

Глухо загромыхала какая-то посуда, которая на поверку оказалась пустой жестяной банкой с засохшей масляной краской на дне и по краям.

Пробираясь гусиным шагом, Викуся точнехонько въехала правой кроссовкой в болтающуюся на боку банку, хорошо, что болтающуюся давно, а то бы прощай, кроссовочки.

Тут только барышни заметили, что не одна такая банка поблизости, много их, и не все пустые. Эта тоже не была бы пустой, если бы ее чем-нибудь вовремя заткнули. Но Танзиля Усмановна сюда на чердак, видимо, не добралась, а равнодушные наемные строительные рабочие далеко не так рачительны, как она.

Между тем стало заметно, что и запах химический приобрел ярко выраженный характер, то есть характер чего-то совсем недавно покрашенного.

– Да вот же он, – заверещала Викуся, так как в краску все-таки влезла, хорошо, что подметкой, а не красивым черно-желтым верхом с желтыми же шнурками.

Тут им предстала картина во всей полноте своего, так сказать, смысла.

Они находились над люком, они все-таки нашарили его. Вокруг него по периметру на расстоянии примерно вытянутой руки кое-как были расставлены банки и баночки с краской и бутылки – это уже с растворителем, а может, и с олифой, валялись перепачканные кисти и малярные валики, и какие-то тряпки малярного назначения.

Но самое значительное открытие сделала Викина кроссовка.

Одна из банок была опрокинута, неплотно надвинутая крышка от толчка свалилась, и содержимое, та самая масляная краска, вонь от которой забивала запах пыли, пролилась, но не только что!

Натекшая толстенькая лужа сине-зеленого цвета сверху подернулась уже морщинистой пленочкой, но не застыла! Банку опрокинула не Вика. Но. Банку опрокинули недавно.

– Что и требовалось доказать, – произнесла с удовольствием Катерина. – Прими, Виктория, мои поздравления. Мы вот только проверим, открывается ли данный лючок, и можно в обратный путь.

Лючок открывался.

Две головы просунулись в лаз и некоторое время рассматривали лестницу дубль два, вид сверху.

Кроме нескольких старых стульев и окурков на полу, разницы с лестницей номер один не обнаружили. От лючка вниз вела такая же конструкция, как и та, по которой они взобрались на чердак, может быть, только немножко более ржавая. Верхняя перекладина была слегка запачкана сине-зеленым.

– Йес! – пискнула Викуся, а Катя, довольно усмехнувшись, похлопала ее по плечу.

Обратный путь был бы проделан быстрее, если бы они не заспорили, в какую сторону им двигать. Катя говорила, что налево по диагонали, а Вика – что прямо, вдоль вот этой самой балки. Оказалось, что вдоль балки и направо.

Потом совещались, кто первый полезет вниз, решили, что Катя.

Потом Катя проводила инструктаж, как Викусе надо будет поддеть крышку люка вот за эту перекладину и начать спуск, но на перекладину не опираться, а то прихлопнет.

Потом Катя сказала: «Нет, ты лезь первой, я буду запирать». И тут же передумала: «Нет, я полезу первой, а ты после, а я тебя подстрахую снизу, а потом я снова наверх и закрою».

Вика сказала, что это шизиловка. Катя велела не спорить со старшими и, поставив ногу на колено с краю дыры, медленно и не дыша начала спуск. Ее ноги уже стояли на нижней ступеньке, а сама Катя размышляла, что ей лучше проделать – сгруппировавшись, сразу спрыгнуть вниз или же попытаться сначала спуститься на одних руках до нижней перекладины, а уже потом спрыгнуть, как вдруг с площадки второго этажа ей послышались медленные осторожные шаги.

Кто-то поднимался по лестнице. И этот кто-то, безусловно, слышал их возню. И был, может, не напуган, но озадачен. Или не озадачен, а все-таки напуган.

Напуган, если этот кто-то и есть преступник. Тот самый, который убил Лидушку.

И теперь он поднимется, увидит Катю и все поймет, а поэтому убьет и ее тоже. Не сейчас, конечно, попозже.

А может, это Михалыч бдит?

Или секретарь Клара Григорьевна возвращается на свое рабочее место в приемную?

Тогда придется гнать про Викин мобильник.

Но это был не охранник, и не Клара Григорьевна, и не преступник.

Это был человек, который ее, Катю, раздражал, возмущал, злил, которого она ненавидела.

Это был Демидов.

Демидов медленно поднимался по лестнице, и настроение у него было поганое. Именно что поганое.

Вчера вечером ему позвонил Ваня Ескевич, звонил откуда-то из пробки на Волоколамке или на Ленинградке, что ли. Просил заехать в интернат и взять какие-то хрен знает бумаги у директрисы, а то она ждет, а он в пробке.

Демидов не мог. Он был на премьере в «Табакерке», но это не самое страшное, он был с барышней, дщерью маминой подруги Ады Львовны, и был он там по просьбе матушки и в соответствии с ее хитрой стратегической интригой.

Девочка была правильная, из наших, но совершенно никакая. И не придерешься. Да и придираться не очень-то хотелось.

А хотелось Демидову Олегу побыстрее очутиться дома и нырнуть в холодильник за пивком и колбаской, а может, еще и креветочек по-быстрому отварить, и к «ящику» – тупо переключать программы.

В пятницу вечером это как-то естественнее, чем проводить время на пафосной премьере, непринужденно блистая высокомерной галантностью и изо всех сил сдерживаясь, чтобы не выбросить две-три порции яда, рискуя при этом обрызгать безупречный атласный лиф сегодняшней дуры.

Хотя зачем обижать барышню? Сегодняшняя ничем не хуже той, с которой две недели назад он был в Пушкинском на открытии какой-то там выставки. А если вспомнить тот кошмар, который ему навязала матушка в сентябре, так эта по сравнению с той просто лапушка.

«Мамуля у меня боец, и она своего добьется», – мрачно сам с собой шутил Демидов. Он любил мамулю.

Ваня был в курсе всех его обстоятельств, но вчера почему-то напрягся и разорался на Демидова.

Он орал, что бумаги нужны ему в понедельник утром, что на завтра он обещал что-то там жене и дочке, а необремененный Демидов не может, видите ли, поднять свою вельможную задницу и в кои-то веки выручить друга!

Друг – это он, Ескевич.

Почему, кстати, вельможную?

Сидение в пробках кого угодно доведет. Демидов предложил ему успокоиться, перезвонить директрисе и все ей объяснить, а лучше предложить ей отправляться домой пить пиво.

Тогда Ваня решил, что Демидов над ним издевается, и отсоединился.

А Демидов не издевался, какие тут издевки, когда ты на премьере, в третьем ряду и говоришь в трубку, пригнувшись к собственным носкам, а рядом нервничает барышня.

В антракте он попытался перезвонить Ивану, но телефон был занят, телефон интерната не отвечал, поэтому Демидов решил больше не суетиться, а отправиться в интернат с утра и выполнить-таки просьбу друга Ивана.

Барышня была провождена и на прощание поцелована в ручку, слова благодарности за волшебный вечер специальным голосом были произнесены, и отпущенный на волю Демидов рванул не медля на Осташковское шоссе, в свой новый аккуратный домик, еще не полностью отделанный, но уже им заселенный.

Пиво в холодильнике было, и вобла нашлась, а он про нее забыл совсем, и наконец отдых, а маме можно позвонить и завтра.

Вспомнив про завтра, Демидов погрустнел, так как сильно не хотелось тащиться снова в центр Москвы, но мужская дружба – это святое, особенно если твой друг – партнер по бизнесу.

Начинали Иван и Олег в разных местах и по-разному, а так получилось, что теперь у них одна фирма на двоих, и не просто фирма, а процветающая, и почти что холдинг, туризм и перевозки, международные. Слияние демидовской турфирмы с грузоперевозочной Ескевича произошло сравнительно недавно, по инициативе Ескевича, но от этого в выигрыше остались оба.

И хотя затея с интернатом была целиком и полностью Ескевича, Демидов считал своим долгом тоже участвовать в процессе, тем более что затея начала себя оправдывать и приносить плоды.

Демидов поначалу скорчил морду, когда Ескевич предложил ему свой план, но потом решил: да пусть попробует, чем мы рискуем, в конце концов? Тем не менее старшим партнером и, соответственно, лицом и персоной на всех переговорах был заявлен Демидов, а Ескевич занимался технической стороной.

Выбор заведения был почти случаен. Кажется, Ваня где-то в тех краях по юности шалил. То ли барышня у него на улице Жуковского проживала, то ли любимая тетя, седьмая вода на киселе, но с симпатичной дочкой, Демидов в подробности не вдавался, какая разница? Выбрал и выбрал. Можно с интернатом за номером восемь по Никитской дружить, можно с имени педагога Ушинского на Коровинском шоссе, а можно и с этим, который на улице Малой Плещеевской.

Почему-то им захотелось понтов для первого знакомства, и они поехали каждый на своей – Демидов на «мерсе», Ескевич на «Лексусе». Вылезли из тачек такие крутые, богатые и великолепные. Обоим примерно по сорок, оба высокие, в распахнутых длинных пальто и начищенных ботинках. У одного, Ескевича то есть, волосы вьющиеся, соль с перцем, у другого – Демидова, соответственно, – наоборот, прямые и русые, почти без седины.

Неторопливо, с чуть заметной усталостью от всего, с чуть заметным превосходством над всем, почти одновременно полуобернувшись к своим авто, нажали на брелоки сигнализации, а потом прошествовали через двор, радуясь прилипшим к стеклам физиономиям, придурки.

Не физиономии придурки, а Ескевич с Демидовым.

Вошли, осмотрелись по сторонам, не обращая внимания на сурово насупленное чело пенсионера в форме, затем Петра Михайловича все-таки заметили – а это был Петр Михайлович – и очень вежливо, просто идеально вежливо поинтересовались, нельзя ли им пройти в кабинет директора, потому что их ждут, а если пройти можно, то нельзя ли получить разъяснения, где вышеназванный кабинет находится.

Оторопелый Михалыч откашлялся и разъяснил.

Произведенный эффект партнерам понравился. Когда это было, кстати? Год уже прошел, надо же. Точно, начало октября было или ближе к середине.

В тот первый раз, когда они вышагивали по коридорам, Демидов по сторонам не шарил, видел, конечно, что фигурки какие-то дорогу торопливо уступают и носы из приоткрытых дверей торчат, но не заострялся.

Ескевич, он не такой, он улыбался во все стороны, как прожектор на дискотеке, а потом к нему подвалил пацан лет примерно шести, мелкий, в общем, и задал вопрос без обиняков: «Дядь, а вы что, бандиты?»

Ескевич остановился над ним, улыбнулся мягкой такой улыбкой и ласково произнес: «Нет, мальчик, мы не бандиты. Мы – Дед Мороз и Снегурочка», – и закатился беззвучно, а Демидова перекосило, и он покрутил пальцем у виска и что-то беззвучно произнес, но не пацану.

Сама директриса оказалась вполне вменяемой теткой, даром что бывший препод Академии марксизма-ленинизма. Уж это-то они с Ескевичем дотумкали выяснить, готовились все же.

Путь к директору пролегал, как водится, через приемную, где за столом, сложив лапки, сидела старушенция с претензиями, а потом данная старушенция, видимо, выполняя некий ритуал, препроводила партнеров в смежное помещение, оказавшееся кабинетом руководителя.

В кабинет вели не просто двери, в кабинет следовало входить через великолепный тамбур, да и двери тоже не подкачали – дубовые, массивные, просто изумительные двери. Впечатляло. И шума, кстати, никакого из коридора. Да, умели строить.

Старушенция по имени Клара Григорьевна выходить из кабинета не торопилась, топталась между начальничьим столом и гостями, а партнеры не торопились переходить к сути визита.

Они церемонно поздоровались с госпожой директором, представившись по очереди, выразили удовольствие от того, что наконец-то смогли лицезреть, произнесли слова признательности за то, что госпожа директор нашла-таки время, чтобы их принять, и затем оба уставились на нее, глядя светло и приветливо.

Директриса улыбнулась старушенции. Старушенция сопнула носом и вышла. Ескевич, сидевший ближе, встал и проверил двери на герметичность.

Лидия Петровна, приподняв брови, дождалась, когда он вернется на место, и, усмехнувшись, произнесла: «Я вся внимание, господа».

И тогда Ескевич тихо и интимно произнес:

– Лидия Петровна, мы здесь для того, чтобы сделать вам одно непристойное предложение.

«Идиот», – подумал в сердцах Демидов, но вмешиваться не стал. Это Ванина идея, пусть он и рулит.

Директриса сидела с той же вежливой улыбочкой, не проронив ни слова. Она не собиралась подавать реплики, она собиралась держать паузу.

«Да она умная баба!» – с неожиданной симпатией удивился Демидов и решил на всякий случай ткнуть незаметно Ескевича по ботинку, чтобы тот был начеку и не зарывался.

Ескевич ботинок быстро убрал, видимо, подумал о том же. Потом он вкрадчиво продолжил, неторопливо вытягивая из нагрудного кармана «Паркер», а из бокового блокнот:

– Вот эту небольшую суммочку, – и он красиво нарисовал циферку с шестью нулями и показал бумажку директрисе, – мы ежеквартально будем перечислять на ваш счет. На счет заведения, я имею в виду. А вот такую суммочку вы, уважаемая Лидия Петровна, будете ежеквартально же снимать со своего счета и приобретать у нас путевочки для ваших деток в оздоровительный центр на базе нашего любимого «Орленка». А вот такую симпатичную дельточку вы оставляете себе на нужды интерната, – и он опять нарисовал цифры. – Необходимое и непременное условие – все ваши расходы из наших благотворительных поступлений должны быть проведены через вашу бухгалтерию с указанием источника, а именно компании «Тур-ДЕ-Груз».

– Детки, как я понимаю, ни в какой «Орленок» не поедут? – невозмутимо осведомилась дама.

Ескевич вздохнул с сожалением и как бы даже виновато и развел руками: «Не поедут».

Директриса пожевала губами, потом потерла переносицу, потом еще раз взглянула на столбик чисел. Потом правой рукой помассировала запястье левой, а затем, наоборот, левой рукой запястье правой и со вздохом и тоже как бы с сожалением произнесла:

– Бухгалтер-то у меня приходящий… Да. На полставочки. Экономим, что делать. Но компетентный. Весьма и весьма.

И посмотрела внимательно на каждого в отдельности.

– Ой, да это пустяки! – взметнулся на стуле Ескевич. – Пустяки, знаете ли! Просто мы забыли, вернее, не успели вам сказать, что не на всю эту сумму нужно будет путевки выкупать, нет, конечно, нет! Вы вот столько на премию бухгалтеру будете оставлять. За компетентность, – и он опять улыбнулся радужно и стал совать ей под руки очередной блокнотный листочек.

Директриса листочек приняла и стала всматриваться в новую цифру, потом шумно вздохнула и проговорила, сведя брови к переносице:

– Ну что ж, схема на первый взгляд видится мне вполне жизнеспособной. Я, пожалуй, приму ваше предложение, господа, но хочу заметить, что не понимаю, почему вы назвали его непристойным.

И тут она усмехнулась:

– Вот если бы за эту дельточку мне потребовалось прогуляться по этажам в розовых панталонах и белом лифчике фабрики «Москва-швея», то да, это уже непристойно!

Демидов не удержался, хрюкнул, а потом и вовсе заржал, представив борца сумо в панталонах, и Ескевич не удержался. Они понимали, что ведут себя неприлично, но остановиться сразу не смогли, а Авдотьева хохотала вместе с ними.

«Ай да преподаватель марксизма-ленинизма!» – думал Демидов.

На прощанье они чуть не обнимались, так понравились друг другу.

– Да, – посерьезнела Лидия Петровна. – А что же мы персоналу моему заявим? Скажем, что у вас обоих было трудное детство?

– У меня. Скажем, что у меня одного было трудное детство, – широко улыбнулся Ескевич, – а Демидов примазался.

И вот теперь Демидов узнал, что эту классную тетку убили.

Так нелепо все. Ведь если бы он, Демидов, все-таки приехал сюда вчера, то этот псих малолетний не добрался бы нее… Скорее всего не добрался бы…

Да вздор все это! Не мог он приехать. Не срываться же из театра по ерунде. Не убийство ерунда, конечно, а документы, из-за которых Иван истерику вчера закатил. Да еще и с барышней он был. Не мог Демидов приехать, точка.

На площадке второго этажа он немного помедлил, соображая, как и какими словами он будет сейчас выражать соболезнования Кларе Григорьевне, хотя при чем тут эта бабка?

Но что-то же он должен ей сказать приличествующее…

Он приехал за теми дурацкими бумагами, значит, придется обращаться к ней, не к кому-то другому, и именно ей он будет траурным голосом бормотать о том, какая это невосполнимая потеря.

Демидову и вправду стало тяжело, сразу же, как только он увидел потерянное лицо их главного пенсионера при входе, а потом пенсионер сказал ему: «Олег Олегович, ведь нашу Лиду вчера убили. Прямо у нее в кабинете».

Демидов не понял, что за Лида, пожал плечами и пошел дальше по коридору, и сделав несколько шагов, быстро вернулся, чтобы задать вопрос, что за Лида.

Хотя он уже догадался.

Но мозг не хотел воспринимать, потому что не хотел, и все.

Потом сдавило что-то внутри, и еще вдруг жалко ее стало, оттого что с ней обошлись именно так, и при этом непонятно – за что и почему.

Вторым эшелоном пошли мысли об их красивой схемке, придуманной специально для налоговой, но, к чести Демидова, мысли настигли его только на пролете между первым и вторым этажами.

Он выругался шепотом и стукнул кулаком по перилам. В душе воцарился мрак окончательный.

Мрачный Демидов поднимался по лестнице и уже почти поднялся до третьего этажа, завернув на последний лестничный пролет. Вскинув голову, он увидел неожиданную скульптурную композицию, а может, инсталляцию, под названием «Дева на рее» в исполнении некой непростой или, может, просто сильно закомплексованной внештатной сотрудницы – или кто она тут? – по имени…

– Эээ… Добрый вечер, госпожа Позднякова, – с ядовитой вежливостью произнес Демидов. – Вы сейчас вверх намереваетесь или, напротив, вниз?

– Напротив, вниз, – невежливо буркнула госпожа Позднякова и завертелась на жердочке, примеряясь что-то предпринять.

– Вам помочь? – так же вежливо осведомился Демидов Великолепный.

Катя, перебирая по-обезьяньи руками, присела на корточки, потом свесила ноги, устроившись на попке, а затем обвалилась с грохотом на пол.

Встала на ноги, специально повернулась спиной к холеному мерзавцу и, отряхиваясь, задрала голову вверх, к темному прямоугольнику потолочно-чердачного провала.

Притаившаяся там Викуся высунулась и скорчила рожицу.

– Дамы совершают вечерний моцион? – разобрало что-то Демидова. – Экстремальный мини-туризм с элементами альпинизма?

Катя проигнорировала этот поток иронии – в основном потому, что не представляла себе, как они будут выпутываться и что вообще они смогут объяснить, хоть вот ему, не раскрывая своей, так сказать, миссии.

Не учла она, что их могут застукать! Очень хотелось проверить свою криминальную догадку, а про осторожность-то и забыла, пребывая в сыскном азарте.

Демидов наконец преодолел оставшиеся ступеньки, встал рядом с Катей и ухватил за локоток:

– Я не расслышал, что вы мне ответили, леди.

Не нравилось Демидову, когда ему хамили и молчали в ответ. Уж если он задал кому вопрос, то ответить на него должны непременно, а не отворачивать морду и не делать вид, что ничего не происходит.

Он начал уже заводиться, но тут Вика с грохотом завершила спуск и также шумно принялась общаться:

– Олег Олегович! Здравствуйте! А мы тут с теть Катей, фу ты, эта… с Екатериной Евгеньевной по чердаку пошарили! Улики искали! Чтобы Генку оправдать!

Брови Демидова надменно поползли вверх. Катя просто окаменела, но это была еще не катастрофа.

Катастрофа семенящими шажками выскочила на лестницу в лице Клары Григорьевны Полонской, секретаря, нет, конечно, не секретаря, а начальника канцелярии.

Клара Григорьевна – в простонародье Гюрза, – возмущенно блестя очками и стискивая в лапке огромный старомодный ключ, видимо, от приемной, всем своим видом выражала праведное негодование и готовность покарать нарушителей порядка.

Она выбежала на шум, это понятно.

Кате было непонятно другое. Что говорить?

– Что здесь происходит? – требовательным фальцетом вскричала Гюрза. – Что вы все здесь делаете?

При виде Демидова пыл ее остыл, она слегка притормозила, но ее чело осталось суровым, давая понять присутствующим, что она в своем праве и ничего идущего вразрез с инструкцией не совершила. Наоборот. Блюла.

Присутствующие собирались только с мыслями, что бы такое ей втюхать, как Гюрза в процессе визуального контроля вверенной ей лестничной клетки – иными словами, шаря повсюду глазами, – увидела открытый лаз на чердак! От переполнивших чувств у Гюрзы Григорьевны свело скулы, а губы сошлись в куриную гузку. Она шумно, через нос набрала воздуха в легкие, и тут…

– Что же это работники правоохранительных органов так небрежны? Осматривали чердачное помещение, а люк не позаботились за собой закрыть? И ведь не пожалуешься, власть… – вопросил Демидов и улыбнулся. Самой своей надменной улыбкой.

Окаменевшая Катя смогла только наступить ботинком на Викусину кроссовку, усиленно телепатируя, чтобы та молчала и не вякала. Викуся терпела ботинок и не вякала. Телепатема, видимо, дошла.

Демидов тем временем Катин локоток выпустил, а секретаршин, наоборот, подхватил. Она почему-то вздрогнула и посмотрела на него ошарашенно.

– Клара Григорьевна, нас всех постигло большое несчастье. Для меня это большая потеря и для Ивана Алексеевича, поверьте. Лидия Петровна была во всех отношениях замечательным человеком. Мы, конечно, окажем помощь и примем участие, и сделаем все необходимое. Я понимаю, что сейчас вам не до этого, но не могли бы вы предоставить мне те документы, которые приготовили для Ивана? Он, так получилось, вчера не смог подъехать, и я не смог, а акты ему уже в понедельник утром нужны будут. Я вас не очень обременю?

– Акты? – очнулась Гюрза. – Я, Олег Олегович, ничего про акты не знаю, это вам к бухгалтеру нужно, а его сейчас нет. Что касается Ивана Алексеевича, то Лидия Петровна вчера распорядилась подборочку сделать, предназначенную для учебной базы, ксерокопии нескольких личных дел из архива и оригиналы тоже, нотариусу на заверение. Она сказала, что через вас или через Ивана Алексеевича можно будет их передать по назначению. Я и подготовила подборочку, а теперь за всеми этими делами никак ее найти не могу. Так неприятно. И неудобно. Вот вы приехали, а я вам ничего отдать не могу. Извините меня, Олег Олегович, так нехорошо получилось, вы приехали, потратили свое время, а выходит, напрасно приехали, сунула я куда-то папочку и найти не могу…

И так сильно она сокрушалась и причитала, оттого, что нечетко сработала, и оттого, что допустила такую серьезную оплошность, а ведь на нее это совсем не похоже, и так убивалась из-за этого, что Демидов, не отпуская ее локотка, проследовал с ней к приемной, на ходу выспра-

шивая, как выглядела эта папочка, куда ее Клара Григорьевна могла положить, когда и где видела в последний раз.

Катя с Викусей потопали следом, скорее под воздействием демидовского магнетизма, чем по необходимости. По необходимости им как раз нужно было топать вниз и поскорее.

Демидов с Гюрзой, видимо, почувствовали что-то такое и приостановились, и оглянулись, взирая на незваную свиту с недоумением. Катя пропищала:

– Мы бы хотели забрать Викин мобильник, Клара Григорьевна. Если не возражаете. Если он у вас. Или, если он на столе у… директора.

Катя ненавидела себя пищащую, но в определенных ситуациях ничего с собой поделать не могла. Ее застукали, этим все сказано.

Гюрза пренебрежительно кивнула, и все пошли дальше.

«И где бы наглостью разжиться», – думала, злясь на себя, Катя.

«Вот ведь наглая девка», – думала Клара Григорьевна и истово жалела, что нет возможности поставить ее на место: девица – «компьютерная» и может наябедничать Танзиле.

А Демидов и не думал, что девица наглая, он прекрасно слышал, как она пищала, и расценил этот писк совершенно однозначно – по причине его, Демидова, неотразимого великолепия. Настроение исправлялось.

Клара Григорьевна сидела на краешке стула перед своим рабочим столом и прислушивалась к шагам, затихающим за дверью. Она очень устала за этот бесконечный, ужасный, невозможно тяжелый день, и ей тоже очень хотелось отсюда уйти, ей очень хотелось домой.

Но она уйти пока опасалась. Как бы потом не стали говорить о ее черствости или безразличии, хотя ну что тут сейчас делать? Сделано уже все. Только татарка эта наглая, кажется, все еще здесь, раньше ее лучше с места не трогаться, да.

Клара Григорьевна, бывший завуч по воспитательной работе средней школы № 2118, а также заслуженный учитель и прекраснейший преподаватель истории, проработавшая в школе тридцать два года, – нет, не проработавшая, а посвятившая! – была с почетом выпровожена на пенсию, не сумела удержаться даже на ставке педагога группы продленного дня, которую ей предоставили как какую-то унизительную подачку, но она-то знала, что не подачка это вовсе, а целенаправленный плевок.

Она великолепно понимала, что такое воспитательная работа, будучи автором многих методических руководств и инструкций, а также блестящим докладчиком на тему о воспитании, многажды приглашаемым на педсоветы всех уровней, вплоть до московского съезда учителей, но она совсем не смыслила в контингенте продленки в лице учащихся до десятилетнего возраста.

Но она же была готова разобраться! Клара Григорьевна уже и методичку набросала начерно, и поработала над распорядком труда и отдыха для учащихся группы продленного дня. Собиралась новому директору предоставить для утверждения, но интриги ее снова настигли.

Все сваливают на родителей, жалобы якобы какие-то посыпались, да какие уж там жалобы! Подтасовка. У нее, Клары Григорьевны, за все время ее работы ни одной жалобы не было, одни благодарности.

А какой был прежде коллектив школьных учителей! И директор какой был, вернее – какая! Все было четко и проверено, и перепроверено, и одобрено – и районо, и парткомом, и райкомом, и комсомол всегда на подхвате.

Потому что школьная педагогика – это очень серьезно, здесь не может быть никаких экспромтов и сюрпризов. Школьный учитель – это очень большая ответственность, ответственность перед будущим нашего народа и нашей страны.

Клара Григорьевна вздохнула, вспоминая овации, которыми неизменно награждала ее сдержанная аудитория, состоящая сплошь из директоров школ и заслуженных учителей, с

нередким вкраплением инспекторов городского и областного масштаба. В прошлом, все в прошлом.

Хорошо хоть, Лида работу дала. Клара Григорьевна криво усмехнулась. Лида ей сказала: «О! Как хорошо, что ты сейчас нигде не работаешь! Мне как раз нужен начальник канцелярии. Пойдешь, Кларочка? Или тебе больше воспитателем хочется? Вакансия есть, с маленькими, у тебя получится».

Они встретились случайно на улице, но это бывает, особенно если всю жизнь живешь в одном районе. Конечно, она согласилась. А потом выяснилось, что начальник канцелярии – это как ночной директор, сторож он и есть сторож.

Так и попала Клара на старости лет в секретарши. Позор. Но не ушла. Куда?

Хотя, конечно же, ей было очень непонятно, почему это подруга Лида не предложила ей занять пустующую на тот момент вакансию своего заместителя, пусть даже по хозяйственной части, а приняла эту татарку.

И заносчивая такая! Москвичка она, видите ли, в третьем колене! Видали мы…

Татарка быстро во все влезла, дневала и ночевала тут поначалу, хотя всем известно, что работу нужно делать в рабочее время, а если остаешься после работы, расписываешься в своей никчемности: значит, не успел, не умеешь, значит.

Но хитра. Просто целые арии Лиде пела чуть не каждый день, отчитывалась и материальные требования оформляла. Все же через Клару проходит, Клара в курсе всего. Почти всего.

А Лида уж как эту Танзилю расхваливала, просто зло брало. Пришлось Кларе начать ей улыбаться и на чаек зазывать, зато без нее, Клары, теперь ни одно заседание «малого совнаркома» уже не проходило, а членов там было трое – Лида, Танзиля и сама Клара.

Кого-то назначат на место покойной?.. Говорят, Меркулов хороший администратор, вот бы его. Хотя Меркулов, наверно, захочет секретаршу с губами и ногами. И с этим, как его, с силиконом везде.

Зазвонил телефон, Клара Григорьевна вздрогнула, подняла трубку, произнесла строго:

– Приемная директора, вас слушают.

Голос ее потеплел, и она проговорила:

– Янечка, ты? Ну здравствуй, здравствуй, солнышко. Как дела? В гости не собираешься? А у нас тут ЧП. Директора убили, представляешь, прямо в кабинете. Вчера вечером, я уже дома была, а днем меня вызвали, сотрудники полиции попросили подойти. Да, ты знаешь, думают тут на одного. Воспитанник. Он странный, конечно. Ну, не общительный, угрюмый. И кстати, влезал к ней в кабинет неоднократно! Чего ему надо… Кто его знает, он же псих… Да, Янусь, тяжелый день, очень напряженный, – и со смешком: – Хотела было стресс снять, наорать на девицу одну, так и тут не повезло, барин ее отмазал. Ты что, не знаешь, кого я барином зову? Да, его, его, именно. Представляешь, две девки лазали на чердак. Ну откуда я знаю? Покурить, наверно. А этот встрял и ерунду наплел про полицию. Будто я не знаю, что их там и в помине не было, ментов-то. Ах, извини, конечно, сотрудников полиции, вырвалось. Наорать хотела на одну, а лазали две. Чего непонятного? Одна из них – воспитанница, кстати, подружка того психа, которого подозревают, а другая – дамочка, которую директриса нашла где-то в своем доме, за компьютерами смотреть. Дошло? Ну наконец-то. Ничего не бестолково. И не груби старшим, обижусь. Ну ладно, ладно, мир, конечно, мир. Девочкам своим привет передавай и заезжайте как-нибудь. Пока. Пока. Целую.

И повесила трубку.

Катя пила горячий сладкий крепкий настоящий и еще раз горячий кофе из огромной керамической кружки и кайфовала – вот он, долгожданный отдых.

И пусть он настиг ее не в субботу утром и даже не в воскресенье вечером, пусть уже наступил рабочий вторник, но как же она ему рада, этому отдыху на рабочем месте! «Мы

разрешим себе отдохнуть, – говорила себе Катя, – мы все забудем и порадуемся, и расслабимся хоть на полчасика, а лучше на часок».

Уютная серверная – ее собственная, удобное кресло на колесиках, серое небо в окне и капли дождя по стеклу, и тихий их уютный шепоток. Сказка рабочих будней. Все позади.

И вчерашний скорбный день, и Николо-Архангельское кладбище, и бестолковые поминки, в которых Катя так и не увидела смысла, – все позади.

Когда в субботу вечером Катя возвращалась домой, подпихивая Вику, чтобы та живее перебирала ногами, то тоже думала, что на сегодня все плохое кончилось и ничего новенького не будет.

Однако потом она извлекла из почтового ящика очередную открытку, третью за этот месяц, и опять ледяным жалом ее полоснула чужая ненависть куда-то в солнечное сплетение, ближе к сердцу, и оно похолодело, на миг сбившись с ритма.

Вика открытку выхватила и стала пристально рассматривать, поворачивая то так, то этак. Свет в подъезде был тусклый, но Вика рассмотрела.

Обычная почтовая открытка, правда, без текста и адреса. На открытке изображена какая-то Барби, ниже Барби каллиграфически выведено: «Поздравляем», а глазки у Барби были вырезаны ножницами.

Викуся протянула:

– Ну ни фига себе… – и поинтересовалась небрежно и как бы с иронией: – Враги? Недоброжелатели?

Катя пожала плечами:

– Да вроде нету их, врагов-то. Это, кстати, не ваши с Генкой художества?

Викуся всерьез обиделась, сказала что-то вроде того, что они не дебилы и не моральные уроды, и что если Катя их в этом подозревает и так о них думает, то…

Катерине пришлось сильно мести хвостом и оправдываться, что, мол, такой у нее юмор дурацкий, что она хотела так их обеих развеселить, и еще какую-то чушь несла в качестве извинений.

Извинения были приняты, и Вика осведомилась:

– Что за хрень?

Катя пожала плечами.

– Вообще-то это третья, – делано равнодушно пояснила она. – На двух предыдущих барышни лишены конечностей.

– И че ты собираешься делать? – строго спросила ее Вика. Ей все это очень не понравилось.

Катя хмыкнула:

– Ждать требований?

Викуся возмутилась и потом бухтела до самого их восьмого этажа, что юмор у Кати вправду дурацкий и что надо открытки кому-нибудь показать. И вообще, надо как-то себя обезопасить, видеокамеру в ящик, что ли, забурить…

Услышав про видеокамеру, Катя похлопала ее по плечу и похвалила:

– Про видеокамеру – это ты молоток! Я тоже об этом думала. Но – невыполнимо. Ты мне поверь. Долго объяснять.

– Нет, ты объясни, объясни, теть Кать, у меня есть время, – завелась Викуся.

– Ну хорошо. Слушай. Мы не можем разместить видеокамеру над ящиками высоко, потому что получится, что ведем слежку за всеми, кто здесь ходит, а это нарушение гражданских прав, тут лучше не шутить. Мы не можем разместить ее непосредственно на самом нашем ящике, потому что свинтят. Мы не будем размещать ее внутри, потому что смысла нет. Андерстенд?

– Йес, – уныло ответила Вика.

Потом они с Викусей на скорую руку приготовили еду, вернее, готовила одна Вика. Она заявила, что на счет раз сделает классную пиццу из того, что есть в доме, а Катя захохотала и сказала: «Действуй».

Викуся просто не знала ничего про аврал у Кати на работе, потому Катя и развеселилась. Вообще-то она собиралась накормить ребенка овощной смесью из морозильника, но решила, что самонадеянность должна быть наказана.

Но Викуся тоже помнила про морозильник, а еще она утром видела полбатона хлеба. Ей нужно только было немножко везения, совсем чуть-чуть!

И везение не подвело: в холодильнике обнаружился сыр! Маленький, страшненький кусочек сыра! Ну а кетчупа-то у кого в Москве нет?

Нарезав батон – ни толсто, ни тонко, – Вика обмазала куски кетчупом, вывалила на них овощную смесь и посыпала тертым сыром.

Катя наблюдала за процессом, задрав брови. Потом аккуратно напомнила:

– И посолить.

– Сама знаю! – дернула плечом забывшая про соль Вика.

«Пицца» была отправлена в духовку, дамы красиво сервировали стол, а потом, когда кухня наполнилась ароматом сплавившегося сыра, пиццу извлекли и съели, не оставив ни крошечки, и запили горячим чаем, крепким и сладким.

– Ну ты ваще, – сказала сонная Катя.

– А то, – ответила сонная Вика.

Сил на общение больше не было, поползли по комнатам отсыпаться.

Наутро Кате нужно было лететь на работу, это без вариантов.

Вика ныла, просилась с ней, но безуспешно. Катя пообещала звонить и велела, чтобы Вика тоже ей звонила, проверила, есть ли у нее деньги на счете, а потом они, толкаясь, начали одеваться.

И тут они услышали, как с наружной стороны кто-то вставляет ключ в замочную скважину и поворачивает его, тихо налегая на дверь, и приоткрывает ее.

Вика испугалась, а Катя швырнула шапку на калошницу и сказала: «Блин!»

В дверях возник Козелкин. Как же хорошо, что Катя не стала менять фамилию!

– Ты зачем здесь? – очень спокойно осведомилась она.

Борик тут же завелся:

– Почему я должен перед тобой отчитываться?! Я домой, между прочим, пришел, я, между прочим, прописан тут, и никто чинить мне препятствия в нахождении здесь не может.

Кате показалось, что он добавит сейчас: «Съела?» Почему-то не добавил.

Одно время она искала ответ на ненужный вопрос, что же произошло? Это Борик так изменился? Или какая-то мутация произошла с ней самой, так сказать, в процессе взросления? Менялись оба?

Или на самом деле ничего и не менялось, просто в какой-то момент Борик решил, что хватит уже ему притворяться положительным дебилом, и тогда рядом с Катей образовался умный негодяй. Или подлец? Кажется, принято говорить в этом случае «подлец».

Да, девочка, жалобу пиши только на себя. И с Людкой пора наконец помириться по-настоящему.

Катя перед зеркалом тщательно надела шапку, проверила, хорошо ли на Вике завязан шарф, ухватила рюкзак за лямку и наконец ответила этому герою, что прописан тут он все еще исключительно по ее, Кати, недосмотру, и надо ей все-таки заняться этим досадным недоразумением.

– Права не имеешь! – возликовал Борик. – Теперь только обмен на две меньшие! И не вздумай замок поменять, с полицией приду.

Он нагло улыбался, глядя в Катино лицо. А Катя сказала тихо:

– Ты просто не знаешь законов. Изучи.

Борик примолк. Потом, не в силах преодолеть то ли беспокойство, то ли любопытство, вопросил, брезгливо глядя на Вику:

– Кто это у тебя?

– Это? – переспросила Катя. – Это… моя девочка. Сегодняшнюю ночь мы провели вместе, а сейчас отправляемся предаться шопингу. Идем, дарлинг?

Вика хрюкнула, потом вытянула губы дудочкой и прогнусила:

– Май лав, я тебя обожаю.

Они обе не удержались и посмотрели на Борино лицо. Улет.

Вика проводила Катю до метро, чтобы, как она выразилась, еще раз обсудить свои действия, хотя они обо всем уже с утра договорились.

Сегодня Вика будет тормошить Генку, чтобы он не впадал в депрессию, как домашний, расскажет ему по секрету про все, что они с Катей вчера раскопали, и то, что Катя в ближайшее время пойдет к следователю.

– Ты поддержи там его, пусть не раскисает. От меня передай, что не верю я в этот бред. И если бы всерьез его подозревали, давно бы в СИЗО отправили. Есть, наверно, какой-нибудь и для подростков. Хотя, конечно, сейчас ему не позавидуешь.

Все воскресенье, почти до девяти вечера, Катя была занята непосредственной своей работой, переустанавливала операционную систему на компьютерах, находящихся в ее ведении, а это весь четвертый этаж: бухгалтерия, юрист, патентный отдел и сам финдиректор.

Вчера были похороны. Траурную церемонию назначили на два часа. День был разбит, поэтому Катя решила выспаться, а потом попытаться выяснить хоть какие-то координаты следователя, который занимается этим делом.

– А что такого? – подумала она и смело набрала номер приемной. – Гюрза должна знать, пусть подскажет.

Клара Григорьевна была на месте и действительно знала, и даже не скрывала, что знает все: и имя следователя, и его фамилию и даже его служебный телефон, который был оставлен полицейскими именно на случай проблесков памяти или каких-либо важных находок.

Но она не собиралась делиться контактами и держалась недружелюбно, иными словами – хамила.

– Вам это ни к чему, уважаемая. Все ваши эмоции не имеют никакого значения для объективного ведения следствия. Вы намереваетесь на жалость брать сотрудников полиции, убеждать, что этот ваш Коростылев не мог, а он мог. И, в конце концов, не мешайте правосудию! – слила все в один флакон бывшая училка.

И разъединилась.

Но телефон на ее столе через минуту затренькал снова, и Катя – а это была Катя – спросила насмешливым голосом:

– А не подскажете, уважаемая, сейчас Танзиля Усмановна на месте? И посоветуйте заодно, как мне лучше ей объяснить, почему с таким вопросом обращаюсь напрямую к исполняющему обязанности директора, а не к его секретарю?

После минутной паузы в трубке послышалось шипение. Хотя нет, это Гюрза произнесла сквозь зубы «пишите».

Записывая информацию под диктовку побежденной Гюрзы, Катя размышляла, имеет ли она право не здороваться сегодня с этой гадиной еще раз, когда встретит ее на церемонии прощания. Решила, что – да, имеет.

Хорошо, что все это осталось позади.

А сегодня Катя сидела со своей кружкой, в собственной серверной, покачивалась в своем кресле, посматривала в окно и старательно отпихивала мысли, а они наседали и лезли в башку, как стая голодных и наглых тараканов, пожирая силы и оставляя за собой грязь и помет.

И о враждебно настроенной Кларе Григорьевне, и о бывшем муже с его утомительными притязаниями, и о дурацких открытках с Барби, которые ее все-таки очень пугают, и о покойной Лидии Петровне, и о том, что кто же ее все-таки убил, и о неприятном Демидове.

Может, права Викуся, и открытки надо кому-нибудь показать? Только кому? Неприятному Демидову? Или Валере? Или Роме?

Катя проехалась немножко в кресле в сторону стола и поставила пустую кружку. Как бы так половчее отпроситься у Валерика пораньше?

Не нужно затягивать визит к следователю, сегодня уже вторник.

Вообще, Валера невредный, но Кате не хотелось, чтобы ее работу делал кто-то другой, хоть бы и Валера.

Значит, нужно напрячься. И, если придут девочки, не пускать. Ни Светлану Николаевну, ни Валерию, ни даже Надежду Михайловну, ни всех их вместе.

Хорошие у нее тут «девочки», прикольные. Хорошо, что они ее приняли, а то с пацанами Кате не очень комфортно. С девочками лучше.

Должность Катина не подразумевает общения в коллективе, ну, если только в тесном профессиональном. Так что с этими мамзелями ей очень повезло.

Фирма, где Катя работала системным администратором, была очень серьезная. Научно-техническая корпорация, не шутка. Два этажа бизнес-центра, разместившегося в евроотремонтированном здании бывшего НИИ, плюс несколько цехов на базе того же института. У них даже свой патентный отдел имеется.

Работала Катерина тут уже лет пять и понимала, что навряд ли для нее предвидится какой-то карьерный рост, может, только денежный, но это было неважно, поскольку, кажется, она нашла себя.

Тогда, пять лет назад, новоиспеченный системный администратор Екатерина Позднякова готовила себя к долгим изматывающим поискам и бесконечным собеседованиям без положительных последствий, но, поскольку смотрела на вещи реально и на особо большие деньги и статус не рассчитывала, место нашла довольно быстро.

Было смешно.

То есть было смешно сначала им всем, а потом уже ей, Кате. Но она этого не показала.

Немалую роль, конечно, сыграло то, что профессия в то время только появилась, дипломированных специалистов вообще в ней было раз-два и обчелся, и в основном это были самоучки, если, конечно, не из программистов.

Девушка-кадровик, правда, решила, что Катя за мужа хлопочет, и пригласила именно его на переговоры, а потом, увидев Катю, задумалась, поперекладывала бумажки, поизучала оба диплома и сказала: «А пошли!»

И привела она Катю сразу в серверную, где на тот момент тоскливо переругивались с главным бухгалтером, дамой серьезной и строгой, два сисадмина, один из них начальник другого.

Не очень была подходящая ситуация для представления, не ко времени, но мужская ехидная смекалка не могла не воспользоваться случаем, чтобы убить двух зайцев – потешиться над этой дурындой и отвлечь главбуха от основной темы, а может, и вовсе нейтрализовать.

– Вот и славненько, – делано обрадовался сисадмин-начальник, чуть не потирая руками, – чудненько просто. Пускай дипломированный специалист посодействует решению этой нерешаемой задачи.

– Да все у вас решаемо, – завелась опять бухгалтерская дама. – Мне Филиппыч сказал, что есть у вас железо, он сам закупал, а я, между прочим, на это деньги ему выписывала и все чеки от него получила, и авансовый отчет, значит, не врет, а вы до сих пор у нас в бухгалтерии не можете порядок навести!

– Да вы поймите, уважаемая, – повысил голос старший сисадмин, что, конечно, с главбухом не рекомендуется, – не все железо закупил ваш Филиппыч! И за железом не ему надо было, а вот хоть Роме отправляться! Но вам же неважно, вам же важно, чтобы завхоз, извините, замдиректора, а нам как бы и доверить деньжищи нельзя!..

Дама вытянулась в струнку, задрала подбородок повыше и процедила, глядя в окно: «Иду к Исаеву». Кажется, обиделась.

Вышла она, наверно, к Исаеву пошла, знать бы, кто это.

Мужики молчат, злятся.

Ну, Катя все же решилась спросить, какова проблема. Не для того, конечно, чтобы класс показать, а в соответствии с общеженским рефлексом сочувствия.

– Ой да иди ты, – невежливо отмахнулся старшой, а подчиненный Рома застеснялся и принялся объяснять, что железо для ремонта компьютеров действительно формально есть, но не учел уважаемый Филиппыч, что кроме электроники нужны еще, ну как сказать, такие разъемчики, ну как вам объяснить, типа штепсельки махонькие, и такие кабели, типа проводов толстеньких, и кулер, извините, дамочка, вентилятор тоже сломался, а без него никак. И главное, если уж ты для компа мозги прикупаешь, то и кожух – ну это череп, по-вашему, – тоже другой нужен, а ему, видно, все по фигу было. И к нам не зашел посоветоваться, сразу тратить поехал.

– Лучше бы он себе мозгов прикупил, – это уже начальник выступил.

Разговаривали с ней, как с тупой секретаршей, но Катя умудрилась их понять. Прошлась по логову. Два верстака с ручным инструментом, электродрель, на одном из верстаков, видимо, те самые, требующие вмешательства, компьютеры, стеллажи с хламом – зачем им столько старых мониторов? – два мощных процессора, огромный работающий монитор и пять штук различных банок с окурками – это по всему помещению, для того, наверно, чтобы долго не искать и далеко не ходить. А так – хочешь окурок сунуть, вот и баночка под рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.